

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 12/2

2014

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой
коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – академик РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2014 г. ► № 12/2

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.	д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.	д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.	д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.	академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.	член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.	д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.	д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.	д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.	канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.	д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.	д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.	д.пс.наук, профессор Рюмина Л.И.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.	д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.	д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.	д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.	д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.	д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.	

Адрес редакции:
344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 518.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 23.06.2014
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,67.
Тираж 1000 экз. Заказ № 24/14

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дудникова А.А. Альтернативное позиционирование в рамках различных психологических подходов. 5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Воронцов Д. В. Гендерная идеология и сексуальные установки личности как факторы уязвимости студентов Ростовской области перед ВИЧ-инфекцией. 10

Коломийченко Е. В. Особенности гендерной типологии у юношей и девушек, приобщенных и не приобщенных к физической культуре и спорту. 15

Проненко Е. А. Психологические особенности смыслоинициации на начальном этапе командообразования. 20

Юшко М. А. Формирование антиэкстремистских установок в молодежной среде с помощью информационного контента современных СМИ. 25

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Афанасенко И.В. Особенности структуры индивидуальной религиозности и связанных с ней личностных свойств у студентов разного пола 30

Панина Е. А. Операциональный компонент конкурентной стратегии официантов. 34

Ращупкина Ю. В. Психологические основания структуры личностной зрелости 38

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Карпова В. В., Дикая Л. А. Особенности функциональных связей коры мозга у испытуемых с разным уровнем продуктивности образной творческой деятельности. 42

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Грачева Н. М. Выявление особенностей смысложизненных ориентаций и представлений о себе и мире у старшеклассников. 47

Середина Н. В., Лазарева О. В. Особенности процесса адаптации студентов первого курса к обучению в вузе. 51

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 55

НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS 63

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ 65

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В РАМКАХ РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Дудникова А.А.

В данной статье рассматривается альтернативное позиционирование с точки зрения разных психологических направлений. В рамках социальной психологии, альтернативность рассматривается, как конфликтность. С точки зрения психолого-педагогического подхода, альтернативное позиционирование можно рассматривать в рамках креативности. В рамках рекламной деятельности альтернативное позиционирование является технологией воздействия на ценностную сферу как аспект, привлекающий внимание и активизирующий эмоциональное отношение. Альтернативность с позиции его крайних форм рассматривается как категоричное мышление и выделяется в качестве личностной патологии.

Ключевые слова: *альтернативное позиционирование, конфликтность, креативность, эмоциональная сфера, акцентуация личности, категоричное мышление, шизофрения.*

Понятие альтернативности на сегодняшний день можно рассматривать с точки зрения различных психологических аспектов. Альтернативность является весьма лабильной структурой, которую можно изучить с разных сторон.

В социальной психологии альтернативность рассматривается как конфликтность. Само понятие конфликта применяется достаточно широко, фактически адресуясь ко всем разнородным явлениям, связанным с психикой людей. «Конфликтом называют и межличностные трудности, и внутрличностные переживания, и кризисные явления (предмет психотерапевтической работы), и столкновение алгоритмов решения учебных задач у обучающегося и др.» [2, с. 38].

Одним из основных видов регуляции общественных отношений является действие социальных ценностей и норм. Основаниями для возникновения социальных ценностей и норм являются законы природы и общественные потребности. Их регулятивное действие обеспечивается механизмом подкрепления при помощи системы социальных санкций. Возникающие в ходе их выполнения конфликты определяют характер и структуру регуляции. Во многом структура механизмов регуляции, их соотношение зависят от типа доминирующих противоречий, определяющих основные компоненты ценностно-нормативных конфликтов.

Социально-психологическая регуляция поведения рассматривается разными авторами с точки зрения ценностно-нормативной системы группы, компонентами которой являются групповые ценности, нормы, роли. Групповые ценности и нормы имеют ценностный, когнитивный, поведенческий и эмоциональный компоненты. Ценностный компонент определяет степень соответствия ценностных ориентаций члена группы групповым ценностям и нормам. Когнитивный компонент выражает адекватность восприятия групповых ценностей и норм членами группы. Поведенческий компонент отражает степень соответствия поведения членов группы и требований, действующих в группе норм, а эмоциональный отражает степень принятия ценностей и норм членами группы. Именно противоречиями, возникающими из-за различия аспектов рассмотрения групповых ценностей и норм, объясняются внутригрупповые ценностно-нормативные конфликты [6].

Проблема образов конфликтной ситуации, имеющих у каждой из сторон, стала исследоваться в социальной психологии сравнительно недавно. У каждого из участников под воздействием различных факторов складывается субъективный образ конфликта. Этот образ включает в себя представление оппонентов о самих себе (своих целях, мотивах, возможностях и т. д.); о противостоящей стороне; представление каждого участника о том,

как его воспринимает другой; о среде, в которой складываются конкретные отношения. Н. В. Гришина отмечает, что человек не просто реагирует на ситуацию, а определяет ее, одновременно определяя себя в этой ситуации, и тем самым он создает, конструирует конфликтную ситуацию [2].

Отношение личности к себе оказывает влияние на проявление социальной активности личности, обуславливает ее адекватность и дифференцированность. Оно выступает мотивом саморегуляции поведения и актуализируется на всех этапах осуществления поведенческого акта, участвует в механизмах регуляции поведения от уровня конкретной ситуации деятельности до уровня длительной реализации идейных замыслов [11].

С точки зрения психолого-педагогического подхода, альтернативное позиционирование можно рассматривать в рамках креативности. Однако на сегодняшний день во многих образовательных учреждениях обучающиеся с высоким творческим потенциалом очень сложно адаптируются к унифицированной среде обучения. В педагогической психологии альтернативность часто рассматривают как фактор, препятствующий адаптации в образовательной среде.

Креативность в широком социокультурном контексте понимается как совокупность исторически сложившихся макро-мезо-микросоциальных факторов, а также в более прикладном аспекте – как психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия, соответствующие природе творчества, перспективам развития креативности и самореализации личности в современном мире.

Термин «креативность» используется для обозначения тех интеллектуальных процессов, которые ведут к решениям, идеям, осмыслению, созданию художественных форм, теорий или любых продуктов, которые являются уникальными и новыми. По мнению Е. Торренса, креативность – это не специальная, а общая способность, которая базируется на констелляции общего интеллекта, личностных характеристик и способностей к продуктивному мышлению.

Под креативностью Е. Торренс понимал обостренное восприятие недостатков, пробелов в знаниях, дисгармонии. На основе анализа экспериментальных данных Е. Торренс пришел к выводу, что при низких значениях коэффициента интеллекта, интеллект и креативность образуют единый фактор, в то время как при высоких – творческая способность становится независимой величиной. Другими словами, по мнению Е. Торренса, «нет креативов с низким интеллектом, но есть интеллектуалы с низкой креативностью» [10, с. 58].

Креативность – понятие относительно новое и неустоявшееся в психологии. Часто понятие «креативность» отождествляют с понятием «творчество». Теоретический анализ литературы позволил разграничить данные понятия. Отличие состоит в том, что творчество понимается как процесс, имеющий определенную специфику и приводящий к созданию нового, а креативность рассматривается как внутренний ресурс человека. Хотя и в креативности, и в творчестве необходимо присутствует момент преобразования, но в креативности оно касается системы знаний и ценностей самого субъекта, а в творчестве и некоторой части системы социокультурных отношений, норм, ценностей, знаний, способов действий. И в творчестве, и в креативности присутствует момент оценки созданного и создаваемого, но в творчестве – это оценка со стороны другого, а в креативности – по меньшей мере, самооценка. Понятие «творчество» является более общим (включающим в себя, в том числе, и креативность), отражающим помимо субъективных моментов также процесс новизны, порождаемой субъектом деятельности.

Креативность как одна из характеристик личности проявляется в деятельности, характер которой определяется, во-первых, высокой социальной значимостью и неповторимостью ее продукта – формирования личности обучающегося во всем богатстве ее индивидуального своеобразия. Во-вторых, сам процесс педагогической деятельности, основанный на взаимодействии преподавателя и обучающихся, не терпит стандарта и шаблона, хотя масштабы творческих задач могут быть, конечно, разными, начиная от внесения принципиальных инноваций в содержание, формы и методы учебно-воспитательного процесса и кончая решением многообразных частных вопросов, возникающих в конкретных ситуациях деятельности и общения с обучающимися [8].

Конечной целью образовательной программы должно быть формирование креативной личности, способной к развитию, обогащению и реализации своего потенциала в существующих социокультурных условиях, что возможно лишь при достижении обучающимися уровня образованности, отражающего результаты образовательного процесса, соответствующего требованиям стандартов, предъявляемым к выпускникам. Полученные умения, навыки должны быть достаточны при усвоении знаний по формированию самостоятельной познавательной деятельности. Целесообразно формировать общенаучные умения, определять познавательные проблемы, решаемые в процессе учебной деятельности; выявлять дефицит знаний и умений (без которых нельзя решить значимую для личности познавательную проблему); формировать цели учебно-познавательной деятельности: усваивать научные концепции, теории, законы,

принципы, правила, приемы, методы. Выбирать источники информации, адекватные целям учебно-познавательной деятельности.

Учебная деятельность универсальна и выполняется человеком на протяжении всей жизни. По мнению О. С. Гребенюка, «учебная деятельность – вторая профессия каждого человека, от умения осуществлять учебную деятельность во многом зависит его продвижение в основном избранном деле».

В рамках рекламной деятельности альтернативное позиционирование является технологией воздействия на ценностную сферу как аспект, привлекающий внимание и активизирующий эмоциональное отношение. Аффективный (эмоциональный) компонент рекламного воздействия определяет эмоциональное отношение к объекту рекламной информации: относится ли к нему субъект с симпатией, антипатией, нейтрально или противоречиво. Эмоциями называют такие психические процессы, в которых человек переживает свое отношение к тем или иным явлениям окружающей действительности; в эмоциях получают свое субъективное отражение различные состояния организма человека. Эмоции всегда носят личный, субъективный характер. У людей, помимо зрительной, очень устойчивой является память эмоциональная, которая работает по принципам «приятно – неприятно», «понравилось – не понравилось». Рекламные материалы неизбежно навевают неосознаваемые эмоциональные образы. В соответствии с психосемантическими шкалами эмоциональный образ фирмы может быть описан как новый или старый, быстрый или медленный, свежий или черствый, гладкий или шершавый, свой или чужой и т. п. Память на эмоциональные образы и эмоциональные состояния – одна из самых прочнейших.

Основное требование, предъявляемое к различным инструментам рекламы, – это их эффективность, в том числе способность передать творческое содержание сообщения в соответствии с прагматическими целями рекламной коммуникации. Практика показывает, что сегодня без креатива эти инструменты не позволяют достичь обозначенных целей.

Рекламный креатив можно определить как образную оболочку инструментов информативно-убеждающих видов коммуникации, призванных решить прагматические задачи бизнеса. Такие факторы рыночной среды, как обострение конкуренции, рост финансового и интеллектуального потенциала, глобализация информационных потоков, выступают достаточным основанием обращения к методам и источникам создания нетрадиционных решений, поиску инновационных, креативных идей с целью увеличения эффективности функционирования различных институтов в обществе. Сегодня очевид-

ным является понимание успешности рекламной деятельности через призму креативности, предоставляющей возможности выделения продукта из многообразия рыночных предложений. Развитие информативно-убеждающих видов коммуникаций в новейшей истории России определяет возрождение интереса к раскрытию механизмов творческой деятельности [7].

Важным условием развития креативного мышления в рекламной коммуникации является эмоционально-чувственный компонент, развитие которого призвано систематически обеспечивать чувственно-образное восприятие и формировать эмоционально-ценностное отношение к изучаемым объектам. Данный процесс включает в себя организацию вхождения в ситуацию эмоциональных переживаний, предложенных в рекламном тексте, дающих возможность непосредственного проживания эмоций и чувств, возникновения эмоционально и рационально обусловленных образов, способствующих накоплению эмоционально-чувственного опыта и развитию эмоционально-образного компонента мышления.

Эмоции представляют собой одну из форм отражения реального мира, выраженную в виде обобщенных чувственных реакций, переживаний, возникающих в ответ на разнообразие по характеру сигналы, обязательно влекущих за собой определенные изменения в физиологическом состоянии организма (при проявлении эмоций происходят изменения в деятельности органов дыхания, пищеварения, сердечно-сосудистой системы, желез внутренней секреции, в скелетной и глазной мускулатуре и т. д.).

Важной особенностью эмоций можно считать способность притягивать к предметам и явлениям внимание человека. Объекты, вызывающие сильное эмоциональное переживание спонтанно и, как правило, мгновенно овладевающие вниманием субъекта, занимают в феноменологическом поле сознания место «фигуры», по отношению к которой все прочее выступает в качестве «фона». Как отмечает В. К. Вилюнас, в случае предельно сильных аффектов «фон» и вовсе исчезает, образуя феномен так называемого «сужения сознания» [1, с. 57]. На эмоциональном уровне оценка хода и результатов деятельности человека происходит раньше, чем на рациональном. Способность оценивать предметы и явления с точки зрения их желательности или нежелательности, полезности или вредности для субъекта определяет познавательную функцию эмоций. Эмоциям также присуща функция синтезирования. Она имеет отношение к процессам памяти. Согласно исследованиям психологов, одно слово, услышанное человеком, способно вновь воспроизвести пережитые ранее сильные чувства при условии, если оно обозначает некоторую, возможно

случайную, деталь родоначальной аффективной ситуации или каким-то другим способом напоминает об этом аффекте.

Когнитивная теория творчества Дж. Келли рассматривает творчество как альтернативу банальному. Не используя термин «творчество», Келли между тем разработал оригинальную теорию творчества и творческой личности, впервые описав альтернативное гипотетическое мышление. Для Келли «человек – это исследователь, ученый, который эффективно, творчески взаимодействует с миром, интерпретируя мир, перерабатывая информацию, прогнозируя события. Жизнь человека – это исследование, постоянное выдвижение гипотез о реальности, с помощью которых он пытается предвидеть и контролировать события. Картина мира гипотетична, и люди формулируют гипотезы, проверяют их, т. е. осуществляют те же умственные действия, что и ученые в ходе научного поиска. Жизнь – это творческий исследовательский процесс» [4, с. 25].

Продолжая рассматривать альтернативность в рамках различных психологических подходов, можно также выделить позиции его крайних форм. Альтернативность в данной ситуации рассматривается как категоричное мышление и выделение личностных патологий человека.

Альтернативность может проявляться в чрезмерно выраженных чертах характера личности или акцентуации. Само понятие «акцентуация» и классификацию акцентуаций предложил выдающийся немецкий психиатр и психолог Карл Леонгард. В работах К. Леонгарда используется как сочетание «акцентуированная личность», так и «акцентуированные черты характера». К. Леонгард заменил термин «психопат» на термин «акцентуированная личность». Акцентуация характера, по Леонгарду, это нечто промежуточное между психопатией и нормой. По его мнению, акцентуированные личности – это не больные люди, это здоровые индивиды со своими индивидуальными особенностями. На вопрос, где же границы, отделяющие акцентуантов, с одной стороны, от психопатов, а с другой – от неакцентуантов, К. Леонгард не дает четкого ответа. Его концепция акцентуации личности была использована и доработана А. Е. Личко и его сотрудниками для изучения характера подростков. Акцентуация характера, по Личко, – это чрезмерное усиление отдельных черт характера, при котором наблюдаются не выходящие за пределы нормы отклонения в психологии и поведении человека, граничащие с патологией. Акцентуации как временные состояния психики чаще всего наблюдаются в подростковом и раннем юношеском возрасте [5]. Обычно акцентуации развиваются в период становления характера и с возрастом сглаживаются. Однако подростковый возраст настолько

важен для дальнейшего самоопределения человека, что оказывает влияние не только на стадии формирования профессиональных интересов и намерений, но и на дальнейшую профессиональную адаптацию. Тип акцентуации указывает на проблемные места, позволяя прогнозировать и предотвращать травмирующие ситуации, в том числе связанные с несоответствием типологических особенностей человека и выбранной профессиональной среды.

Акцентуации характера могут содействовать развитию психогенных расстройств, ситуативно обусловленных патологических нарушений поведения, неврозов, психозов. Однако следует отметить, что акцентуацию характера ни в коем случае нельзя отождествлять с понятием психической патологии. Жесткой границы между условно нормальными, «средними» людьми и акцентуированными личностями не существует. Выявление акцентуированных личностей в коллективе необходимо для выработки индивидуального подхода к ним, для профессиональной ориентации, закрепления за ними определенного круга обязанностей, с которыми они способны справляться лучше других (в силу своей психологической предрасположенности).

Следовательно, при акцентуации характера некоторые его черты, находясь в пределах нормы, тем не менее, сильно выражены в поведении человека и обладают тенденцией к еще большему усилению и переходу в патологическое состояние. Следует особо подчеркнуть, что акцентуации характера представляют собой хотя и крайние, но варианты нормы.

Проблема акцентуаций характера у подростков является сегодня важнейшей педагогической проблемой, которая может быть решена совместными усилиями педагогов и психологов. По данным исследователей (Н. Я. Иванов, С. В. Колябин, К. Леонгард, А. Е. Личко), количество подростков-акцентуантов среди обучающихся 8–11-х классов средней общеобразовательной школы составляет от 33 до 88 %. Акцентуированные черты характера мешают подросткам адаптироваться в обществе, коллективе сверстников, препятствуют успешному протеканию процесса социализации личности, влияют на эффективность учебной деятельности [3].

Акцентуированные подростки испытывают личные проблемы, связанные с отношением к себе, своим переживаниям, взаимоотношениям с другими людьми, они подвержены развитию чувства неполноценности и неуверенности в себе. Такие подростки склонны смотреть на мир с недоверием, избеганием контактов со сверстниками или проявлением враждебности к окружающим их людям. У них присутствует чувство, что они отличаются от других, причем отличаются в худшую сторону.

Альтернативность может проявляться как категоричное мышление с точки зрения личностной патологии. Одной из них является трансформация личностных ценностей при шизофрении.

Альтернативное позиционирование является своего рода регулятором нашего мышления. При шизофренических проявлениях данного рода у человека рушатся барьеры действительности, и он начинает выстраивать бесконечный ассоциативный ряд событий, который уводит его в дебри неадекватной реальности. Человек начинает видеть альтернативу там, где ее не существует, и наоборот.

При шизофрении существуют стойкие прогрессивные нарушения когнитивных функций, которые наиболее отчетливо выступают вне острых состояний. Такие когнитивные расстройства являются стабильными, устойчивыми образованиями. Когнитивный дефицит является одной из ключевых характеристик заболевания, наряду с позитивными и негативными расстройствами. При шизофрении имеет место изменение не просто количественных аспектов, а качественной природы процессов переработки информации.

Начало заболевания в юношеском возрасте дебютирует биполярными аффективными расстройствами, либо монополярной депрессией. Течение биполярных аффективных расстройств более прогрессивное и спустя 5–6 лет от их манифеста, очевидным становится нейрокогнитивный дефицит, недоступность сложной интеллектуальной деятельности (больные прекращают учебу в вузе, не справляются с программой обучения в очной аспирантуре), в сочетании со стойкой астенией, инфантилизмом и изменением внешнего вида (субкататонические проявления, «мягкая кататония»). Монополярная (рекуррентная) депрессия (тоскливо-апатическая с дисфорноподобными включениями) осложняется симптоматическим алкоголизмом, в дальнейшем – употреблением наркотиков. Спустя 8 лет от дебюта формируется дефект по типу дефицитарного шизоида. Родители организуют неофициальное наблюдение психиатра без оформления медицинских документов, оглашения диагноза (огласка, «стигматизация»

нежелательна для репутации родителей), охотно принимают «соматоневрологические» версии диагноза, материально содержат больных, избегают официального контакта с психиатрами до тех пор, когда надо решать вопрос трудоспособности или когда больные проявляют агрессию [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1976. – 143 с.
2. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. – СПб., 2000. – 193 с.
3. *Заблоцкий Г. О.* Коммуникативные основы гармонизации личности подростка с акцентуацией характера // Вопросы современной науки и практики. – 2010. – № 7–9. – С. 116–123.
4. *Ильин Е. П.* Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2012.
5. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983.
6. *Нагиева О. В.* Анализ влияния основных компонент ценностно-нормативных систем на конфликтность малых групп // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2006. – № 2. – С. 59–60.
7. *Ноздренко Е. А.* Креативное мышление в рекламной коммуникации: культурологический аспект // Журнал сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. – 2010. – Т. 3. – № 4. – С. 600–609.
8. *Лузеп Л. Г.* Креативность как одна из характеристик личности будущего педагога // Омский научный вестник. – 2007. – № 4–58. – С. 115–117.
9. *Сенько Е. В.* Особенности клинической картины поздно диагностируемой вялотекущей шизофрении в зависимости от возраста начала заболевания // Сибирский медицинский журнал. – 2009. – № 7. – С. 125–128.
10. *Туник Е. Е.* Тест Е. Торренса. Диагностика креативности. Методическое руководство. – СПб.: ИМАТОН, 1998.
11. *Чеснокова И. И.* Проблемы самосознания в психологии. – М.: Наука, 1977. – 144 с.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СЕКСУАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОРЫ УЯЗВИМОСТИ СТУДЕНТОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРЕД ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

Воронцов Д. В.

В статье анализируется влияние гендерной идеологии на уязвимость студенческой молодежи перед заражением ВИЧ-инфекцией половым путем. Утверждается, что проблема формирования более безопасного сексуального поведения не ограничивается только лишь личностными факторами, поддающимися изменению в ходе психолого-педагогического воздействия – необходимо изменение государственной политики по развитию идеологии гендерного равенства. Этот тезис обосновывается данными эмпирического исследования связей между приверженностью молодых людей определенному полюсу гендерной идеологии (традиционно-патриархатной или феминистской), их attitudes в сфере сексуальных отношений (уровень принятия доминирования и проявлений насилия, отношение к случайному сексу с одноразовыми партнерами, степень принятия концепта тесной связи секса и любви) и гендерными особенностями социально-психологических характеристик личности и сексуальных отношений. Делаются выводы о необходимости пропаганды феминистских взглядов среди юношей и борьбы с патриархатными установками среди девушек для повышения эффективности профилактической работы по прерыванию полового пути передачи ВИЧ-инфекции.

Ключевые слова: гендерная идеология, гендерные отношения, сексуальность, сексуальные установки, профилактика ВИЧ-инфекции, поведение риска заражения ВИЧ.

Половой путь передачи ВИЧ-инфекции представляет собой главный фактор распространения эпидемического процесса на все население. По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, в России отмечается устойчивая тенденция к генерализации эпидемического процесса, при которой происходит рост числа инфицированных в основной группе населения при гетеросексуальных контактах и снижение доли новых случаев заражения ВИЧ-инфекцией в группах потребителей инъекционных наркотиков и мужчин, имеющих секс с мужчинами (рис. 1) [1].

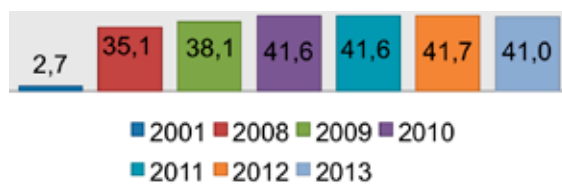

Рис. 1. Доля заражений ВИЧ-инфекцией при гетеросексуальных контактах в России (в %)

Как видно из рисунка 1, если в 2001 г. доля заражений при гетеросексуальных контактах составляла 2,7 %, то в 2013 – уже 41,0 %. При этом в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах половой путь передачи уже является преобладающим (РСО-Алания – 54 %, Ростовская область – 70,1 %). Неадекватные попытки воздействия на половой путь передачи являются ключевой проблемой, мешающей достичь эффективного прерывания эпидемического процесса ВИЧ-инфекции не только в нашей стране, но и во всем мире. По-видимому, причиной этого является установка на трактовку сексуальности и полового поведения, прежде всего, как сугубо частного или же морально-нравственного, но не социально-политического феномена. Однако с конца 1960-х гг. сексуальность в науке начинает осознаваться как преимущественно властная (т. е. социально-политическая) категория, когда под властью понимается не столько authority (институциональные полномочия и возможности), сколько power (локализованный в системе отношений статусный контроль над ресурсами и доминирование / подчинение) [3].

Если рассматривать сексуальность в качестве компонента системы социально-политических отношений, то вопрос формирования более безопасного в плане заражения ВИЧ сексуального поведения уже нельзя свести к проблеме воспитания. Поскольку в этом поведении отражаются господствующие социальные ценности, гендерные представления и модели мужского и женского поведения, лежащие в основе государственной политики в российском обществе. Поэтому препятствия, возникающие при профилактическом воздействии на поведенческие факторы риска, – это не проблемы совершенства технологий психологического воздействия или механизмов осуществления социального контроля, а проблема социокультурных и политических условий, в которых эти технологии и механизмы реализуются [4]. Следовательно, без социально-психологического анализа связи гендерной идеологии, сексуальных установок и предикторов поведенческого риска заражения ВИЧ-инфекцией, а также без последующего изменения (на основе полученного доказательного знания) идеологического содержания системы отношений личности и социально-политического контекста системы межличностных отношений эффективное и устойчивое изменение поведения риска заражения молодых людей ВИЧ-инфекцией в нашей стране представляется недостижимой задачей.

Распространенность и выраженность основных предикторов поведенческого риска заражения ВИЧ-инфекцией (начало половой жизни, количество половых партнеров и отсутствие барьерных средств защиты при половом контакте) в паттернах сексуального поведения связаны не только с когнитивными детерминантами (уровнем информированности, оценкой степени угрозы и характера риска, самоэффективностью, намерениями вести себя определенным образом, уровнем осознания и принятия социальных норм и т. п.). Эпидемия любого социально значимого заболевания имеет не только прямые, но и множественные косвенные связи, игнорирование которых способно свести на нет любые хорошо обоснованные меры локального воздействия.

Учитывая современное состояние отечественной социально-психологической науки, для того, чтобы эффективно формировать у молодежи как одной из наиболее уязвимых перед ВИЧ-инфекцией групп населения сексуальное поведение меньшего риска заражения ВИЧ, нам не хватает знания контекста гендерных отношений, в рамках которых реализуется гендерное поведение, и того, как гендерный порядок в обществе и гендерная идеология пересекаются с сексуальным желанием, которое лежит в основе сексуального поведения. Именно для решения этой

задачи было осуществлено исследование, направленное на выделение критических факторов повышения эффективности профилактической работы, направленной на прерывание полового пути передачи ВИЧ-инфекции:

- 1) приверженность определенной гендерной идеологии (патриархатной или феминистской) в сочетании с идеями социального доминирования,
- 2) аттитюды в сфере сексуальных отношений (уровень принятия доминирования и проявлений насилия, отношение к случайному сексу с одноразовыми партнерами, степень принятия концепта тесной связи секса и любви),
- 3) гендерные особенности социально-психологических характеристик личности и сексуальных отношений.

Выборку исследования составили 239 студентов нескольких вузов Ростовской области, расположенных в гг. Ростове-на-Дону и Шахты. Выбор был обусловлен тем, что студенты относятся к наиболее уязвимой к заражению ВИЧ-инфекцией группе «учащаяся молодежь». По социально-демографическим признакам выборка распределилась следующим образом: 126 юношей (52,7 %) и 113 девушек (47,3 %) в возрастном диапазоне 17–34 года, средний возраст 20 лет (St.Err. = 0,12, St.Dev. = 1,8), средний класс 39,3 %, низший средний класс 37,7 %. По расовому составу выборка преимущественно европеоидная (92,9 %). Большинство респондентов выросли в городской среде (66,5 %). По религиозным убеждениям 80,8 % отнесли себя к православным и 15,1 % – к лицам без религиозных убеждений. Однако оценка степени религиозности убеждений выявила, что 32,2 % оценивают свои убеждения как совсем нерелигиозные, 63,1 % – как умеренно религиозные, и только 4,6 % – как религиозные в высокой степени. Не имеют опыта сексуальных отношений 8,3 % юношей и 15,9 % девушек. Имеют одного постоянного полового партнера 47,6 % юношей и 48,7 % девушек. Имеют более одного постоянного полового партнера 15,1 % юношей и 7,1 % девушек. В настоящий момент не имеют постоянного полового партнера 34,1 % юношей и 30,1 % девушек. В качестве гомо- или бисексуалов (ЛГБ) определили себя 3,2 % юношей и 3,5 % девушек. Средний возраст юношей, отнесших себя к ЛГБ, составил 23 года, девушек – 20 лет.

Оценка достоверности собранных эмпирических данных осуществлялась с помощью: проверки однородности распределения показателей по t-критерию для одной переменной, оценки правдивости ответов по критерию серийности Z, определения связей по критерию Хи-квадрат и коэффициенту линейной корреляции Пирсона.

ПРОЯВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ

Любая система отношений отражает некоторую идеологию, поэтому для анализа гендерных отношений в сфере сексуальности сначала были охарактеризованы основные взгляды респондентов относительно приверженности той или иной гендерной идеологии. Под гендерной идеологией понимается совокупность идей и взглядов относительно общих и различающихся интересах мужчин и женщин как представителей социальных общностей, о нормативном распределении социальных ролей между мужчинами и женщинами, о распределении социально-психологических характеристик в личности мужчин и женщин, которые располагаются в континууме между полюсами традиционной или патриархатной (т. е. связанной с идеями мужского доминирования) и феминистской (т. е. связанной с идеями гендерного равенства в системе социальных отношений) идеологиями.

В содержании гендерной идеологии респондентов выборки в целом обнаружено парадоксальное сочетание одновременно высоких показателей (17–18 баллов из 21) согласия с идеями мужского доминирования и гендерного равенства (анализ эмпирического распределения баллов показал, что Хи-квадрат для патриархатных взглядов равен 146,6 при *Asymp. Sig* = 0,000, а для феминистских взглядов – 99,6 при *Asymp. Sig* = 0,000), что может быть объяснено с помощью концепта «кентавр-явления», предложенного Ж. Т. Тощенко [2]. Квантирование показало, что нижние границы для обоих полюсов гендерной идеологии, свидетельствующие о явном несогласии с выражаемыми каждым полюсом взглядами, среди респондентов выборки расположены на уровне 15 баллов, тогда как нижние границы для обеих шкал располагаются на уровне 9 баллов. Вместе с тем, как видно из рисунка 2, у юношей отмечается сдвиг гендерных взглядов в сторону патриархатной идеологии (при средних значениях 18 баллов для патриархатных взглядов и 16 баллов для феминистских стандартное отклонение от среднего значения равно 4 баллам). Тогда как у девушек – в сторону феминистских взглядов (при средних значениях 17 баллов для патриархатных взглядов и 20 баллов для феминистских стандартное отклонение от среднего значения у девушек также равно 4 баллам).

Противоречивая гендерная идеология респондентов сочетается с умеренным уровнем принятия ими идей социального доминирования (одних социальных групп над другими). Обнаружены статистически достоверные различия во взглядах юношей

и девушек на гендерное равенство. Юноши в значительной меньшей степени ориентированы на восприятие девушек в качестве равноправных партнеров по социальному взаимодействию (Kolmogorov-Smirnov $Z = 2,875$ при *Asymp. Sig* = 0,000). При этом у юношей значимо более выражено принятие идей социального доминирования (Kolmogorov-Smirnov $Z = 1,890$ при *Asymp. Sig* = 0,002). Такое сочетание обнаружило специфическое проявление в сексуальных аттитюдах. У юношей выявлена корреляция между патриархатными взглядами и оправданием целесообразности сексуального насилия над женщинами ($r = 0,219$ при $p = 0,01$), а также – умеренная корреляция между принятием установок на социальное доминирование и проявлением насилия в отношении женщин для склонения их к сексу ($r = 0,199$ при $p = 0,05$). Обнаружена связь между взглядами на секс как средство получения удовольствия и стремлением к эксплуатации других в своих интересах ($r = 0,186$ при $p = 0,05$), а также с анонимным одноразовым сексом ($r = 0,190$ при $p = 0,05$). Совокупность обнаруженных связей может повышать уязвимость женщин в гетеросексуальных отношениях. У юношей также была выявлена сильная корреляция между феминистскими взглядами и резко выраженным отрицанием идей сексуального насилия над женщинами ($r = 0,227$ при $p = 0,01$). Таким образом, можно увидеть практическую целесообразность пропаганды феминистских взглядов среди юношей как фактора, управляющего гендерным поведением мужчин и снижающим уязвимость женщин.

Рис. 2. Выраженность полюсов гендерной идеологии у респондентов выборки (в баллах)

У девушек тоже выявлена положительная корреляция между патриархатными взглядами и оправданием целесообразности сексуального насилия над женщинами ($r = 0,251$ при $p = 0,01$). Однако уровень приверженности феминистским взглядам оказался никак не связанным с установками девушек по отношению к сексуальному насилию.

**ХАРАКТЕРИСТИКА СЕКСУАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ ВЫБОРКИ
И УРОВНЯ ВЫРАЖЕННОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ
ПРЕДИКТОРОВ РИСКА ЗАРАЖЕНИЯ
ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ ПОЛОВЫМ ПУТЕМ**

В течение последнего года 2 % юношей имели исключительно гомосексуальные связи, 9 % юношей имели бисексуальные контакты, 73 % юношей и 67 % девушек – гетеросексуальные контакты. В однократные половые контакты со случайным партнером в течение года вступали 92 % юношей и 77 % девушек. За всю жизнь только 8 % юношей и 23 % девушек, имеющих опыт половых отношений, не имели одноразовых половых партнеров. Использовали секс для удовлетворения несексуальных потребностей (в обмен на деньги, услуги, получение благ и т. п.) 17,2 % юношей и 3,4 % девушек. Начало сексуальных отношений в случае знакомства с новым человеком допускается респондентами при условии длительности знакомства не менее 1 и не более 6 месяцев.

Гомосексуальный опыт в течение последнего года имели 8,7 % юношей и 8,8 % девушек (в том числе и те, кто определил свою сексуальную идентичность как однозначно гетеросексуальную). Из всей когорты юношей, имевших в течение года гомосексуальные контакты, 78,5 % имели секс с мужчиной в течение последних 30 дней, а 63,6 % имели от 5 до 13 половых партнеров-мужчин в течение года.

Половые контакты без использования презерватива в течение года имели 69,5 % юношей и 64,1 % девушек.

Построение таблиц сопряженности уровня правильных знаний о риске передачи ВИЧ при половых контактах с паттернами актуального полового поведения обнаружило отсутствие статистически значимых связей между правильными знаниями и паттернами более безопасного полового поведения.

Для девушек оценка готовности вступить в незащищенный половой контакт при наличии правильных знаний о факторах риска заражения ВИЧ на основе критерия Хи-квадрат оказалась высокой на уровне $p = 0,01$. Незащищенный секс у девушек коррелирует с неудовлетворенностью отношениями с партнером ($r = -0,306$ при $p = 0,01$), нехваткой эмоциональной близости ($r = -0,418$ при $p = 0,01$) и сильной эмоциональной привязанностью ($r = 0,196$ при $p = 0,05$). У юношей незащищенный секс коррелирует с низким уровнем вовлеченности в отношения ($r = -0,475$ при $p = 0,01$), эмоциональной близости ($r = -0,461$ при $p = 0,01$) и страстности ($r = -0,298$ при $p = 0,01$). Следовательно, отказ от презерватива выступает способом повышения качества текущих отношений для всех респондентов. Но у юношей это связано с усилением страсти, а у девушек – с повышением уровня

эмоциональной близости. Более всего риск отказа от презерватива связан с установкой на связанность любви и секса. Использование презерватива у всех респондентов связано с высоким уровнем нарциссизма (личной значимости в отношениях с другими). Количество половых партнеров у юношей коррелирует с общительностью, энергичностью, а у девушек – с нарциссизмом и оценкой своей привлекательности. И у всех респондентов – с лидерскими качествами и представлениями о социальной успешности.

ВЫВОДЫ

Проведенное эмпирическое исследование показывает, как гендерный порядок, присущий определенному социокультурному пространству, в котором находятся респонденты выборки, проявляется в сфере сексуальных установок и поведения, влияя на уязвимость перед ВИЧ-инфекцией через подкрепление опасных для заражения этим заболеванием поведенческих паттернов. Каким же образом гендерная идеология, преломленная сквозь призму субъективных установок личности в сфере сексуальных отношений повышает уязвимость студентов ростовских вузов, составивших выборку исследования? Патриархатная гендерная идеология делает девушек более уязвимыми через оправдание сексуального насилия и доминирования мужчин. Ценность мужского доминирования связана с оправданием целесообразности эксплуатации других в своих интересах (в т. ч. сексуальной эксплуатации).

Приверженность феминистской идеологии у юношей коррелирует с неприятием идей сексуального насилия над женщинами и эксплуатации. Оправдание девушками сексуального насилия над женщинами коррелирует с патриархатными взглядами, а отрицание этих идей не коррелирует с феминистскими.

Двойственность содержания гендерной идеологии отражается на эмоциональном самочувствии девушек и их удовлетворенностью сексуальными отношениями, поскольку декларируемое равенство не может быть реализовано в поведении юношей.

Девушки вынуждены рассматривать сексуальность как инструмент для выравнивания гендерных статусов, улучшения качества отношений, что мешает изменению рискованных практик.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что без изменения на уровне государственной политики гендерной идеологии пропаганда и формирование более безопасных в отношении снижения уязвимости заражения ВИЧ-инфекцией практик сексуального поведения среди студенческой молодежи будет малоэффективной. Полученные данные свидетельствуют о практической целесообразности пропаганды феминистских взглядов среди юношей как фактора, управляющего гендерным поведением

мужчин и снижающим уязвимость женщин. Тогда в отношении женщин ключевым фактором эффективности профилактической работы является борьба с патриархатными установками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский В. В., Ладная Н. Н., Соколова Е. В., Буравцова Е. В. ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень № 38. – М., 2013. – 52 с.
2. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. – М.: Новый хронограф, 2011. – 172 с.
3. Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction / Transl. from the French by R. Hurley. Penguin Books, 1987. – 168 p.
4. Piot P., Bartos M., Larson H., Zewdie D., Mane P. Coming to terms with complexity: a call to action for HIV prevention. The Lancet, 2008, no. 372, pp. 845–859.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ТИПОЛОГИИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ПРИОБЩЕННЫХ И НЕ ПРИОБЩЕННЫХ К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

Коломийченко Е. В.

В статье обоснована необходимость анализа гендерной идентичности применительно к респондентам юношеского и раннего молодого возраста в связи с формированием и развитием Я-образа, а именно Я-физического и Я-эстетического. Выдвинуты предположения, что в связи с «приобщенностью» или «не приобщенностью» к физической культуре и спорту формируется определенная гендерная идентичность, которая оказывает влияние на формирование важнейших составляющих Я-образа в юношеском возрасте и развитие представлений о Я-физическом и Я-эстетическом в молодом возрасте. Описаны методики исследования гендерной идентичности молодых респондентов – авторская анкета и методика С. Бем. В качестве объекта исследования выступили юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет по-разному относящиеся к физической культуре и спорту, всего 45 человек.

На основе проведенного сравнительного анализа показаны гендерные особенности юношей и девушек, «приобщенных» и «не приобщенных» к физической культуре и спорту, занимающихся типичными «женскими» и типичными «мужскими» видами спорта.

Ключевые слова: *гендер, занимающиеся спортом, не занимающиеся спортом, Я-образ, Я-физическое, Я-эстетическое.*

В настоящее время актуальной научно-методологической проблемой психологического исследования является определение предмета гендерных изучений [1]. Практически все ученые учитывают фактор пола (В. А. Геодакян, С. К. Нартова-Бочавер), психологами активно обсуждается проблема представленности мужского и женского в личности (В. Бендас, С. Бэм, Ш. Берн, Т. Э. Зингер, Е. П. Ильин, И. С. Кон, И. С. Клецина, И. Г. Малкина-Пых, Н. Н. Обозов, Л. Н. Ожигова, Н. П. Фетискин), гендерные особенности способностей и интеллекта (А. Гезелл, М. К. Акимова, С. Г. Геллерштейн) и другие различия, касающиеся как биологического пола, так и гендера.

Анализ литературы, посвященной собственно гендерной проблематике, позволяет сделать вывод о разносторонности проведенных исследований. Сегодня множество исследований посвящены изучению полоролевых стереотипов (В. С. Агеев), ролевой структуры молодой семьи (Е. В. Антонюк), гендерной социализации (И. С. Клецина), психофизиологии мужчины и женщины (Е. П. Ильин), половым различиям феноменологии лжи, обмана и неправды (В. В. Знаков), гендерным аспектам самоактуализации личности в профессии (Л. Н. Ожигова), гендерным

установкам в различных половозрастных группах (В. Е. Каган), гендерной психологии лидерства (Т. В. Бендас), самореализации одаренных женщин (Л. В. Попова), стереотипам женского поведения (О. В. Митина, В. Ф. Петренко), женскому менеджменту (Н. В. Ходырева), методологическим подходам к изучению гендерных различий (Н. П. Фетискин).

Также много исследований проведено относительно предпочтений «мужских» и «женских» видов спорта у людей с разной половой и гендерной принадлежностью. Большинство статей посвящено исследованию мотивации достижения в спорте у фемининного и маскулинного типа [3, 5, 8]. Большое внимание уделяется исследованию выбора спортивной профессиональной специализации в связи с половыми и гендерными особенностями личности [1, 2, 9]. В то же время чрезвычайно мало исследований, которые бы изучали аспекты взаимосвязи самоотношения, построение образа Я-физического и Я-эстетического как основы самооценки относительно выраженности гендерных аспектов и выбора видов спорта [2].

Такие авторы, как А. С. Дамадаева, Ш. К. Шахов, В. Лях, О. А. Мильштейн, К. А. Куликович, Н. Б. Стамбулова,

указывают на то, что у маскулинного и фемининного типов личности по-разному выражается предпочтение в выборе видов спорта, и некоторые психологические феномены внутри видов спорта развиваются по-разному. Так, было доказано, что у занимающихся маскулинными видами спорта мужчин наблюдается несколько более высокая выраженность мотивов общения, познания, наблюдается улучшение самочувствия, получение эмоций от соревновательной борьбы и приобретения полезного опыта, увеличивается потребность в славе, а также снижается потребность в одобрении. Общий уровень мотивации у мужчин, занимающихся маскулинными видами спорта, несколько выше, чем у мужчин, занимающихся фемининными видами спорта [4]. Женщины, занимающиеся маскулинными видами спорта, отличаются от прочих спортсменок более высокой выраженностью мотивов: ориентации на материальные блага, развития характера, получения острых переживаний, потребности в славе и низкой мотивацией общения ($t = 2,07$; $p < 0,05$), физического самосовершенствования ($t = 2,25$; $p < 0,05$), потребности в одобрении, коллективизме [3, 4].

В качестве тенденции можно отметить, что спортсмены, занимающиеся маскулинными видами спорта, обладают более высоким «мотивационным зарядом» к данной деятельности. В целом же иерархия мотивов спортивной деятельности спортсменов маскулинных видов спорта (как мужчин, так и женщин) схожа с иерархией мотивационной сферы спортсменов мужского пола. А. С. Дамадаева делает вывод о том, что фактор спортивной специализации (занятий маскулинными видами спорта) превосходит значение фактора пола, способствуя унификации спортивной мотивации спортсменов разного пола [3].

В группе фемининных видов спорта не только сохраняются все различия, характерные для мужской и женской выборки спортсменов в целом (хотя меняется уровень их достоверности), но и добавляется фактор более высокой мотивации на приобретение полезного опыта посредством занятий спортом у спортсменок женского пола ($t = 2,14$; $p < 0,05$). Кроме того, женщины, занимающиеся фемининными видами спорта отличаются большей выраженностью мотивов общения ($t = 2,03$; $p < 0,05$), улучшением здоровья и самочувствия, получения эстетического удовольствия от спорта, потребностью в одобрении, коллективистической направленностью. Минимально у них выражена ориентация на приобретение материальных благ и потребность в славе [8]. Ряд подобных исследований доказывает тот факт, что спортивная специализация накладывает отпечаток на половую дифференциацию спортсменов в сфере мотивации спортивной деятельности. Причем существенной переменной, способствующей формированию

мотивов занятий спортом, является спортивная специализация. Маскулинные виды спорта способствуют формированию «мужской» модели мотивации у спортсменов обоего пола.

Еще одним подходом к эмпирическому исследованию гендерных аспектов занятий спортом является профессиональная принадлежность (виды спорта) и влияние ранней профессионализации на формирование личности. Исследователи Г. Б. Горская, Н. А. Бондаренко, Т. Н. Зернова отмечают, что среди многочисленных видов спортивной профессиональной деятельности есть такие, достижение высоких результатов в которых возможно лишь при достаточно раннем включении в их освоение [2]. К ним можно отнести балет, гимнастику, спортивные танцы, черлидинг. Временные рамки здесь обычно сдвигаются в сторону младшего школьного возраста, а иногда и дошкольного возраста (5–7 лет), а к 12–14 годам это уже профессиональные спортсмены, показывающие высокие спортивные достижения. Продолжительность выступлений спортсменов в элитном спорте или спорте высших достижений в среднем составляет пять лет. Далее спортивная карьера завершается. По концепции профессионального развития Д. Е. Сьюпера, на возрастной период до 14 лет приходится стадия пробуждения, когда формируются профессиональные предпочтения, появляются представления о профессиональном образовании. В возрасте 15–24 года большинство людей проходят стадию исследования, в ходе которой осуществляется профессиональный выбор, профессиональное обучение, включение в профессиональную деятельность. Далее наступает стадия консолидации, заключающаяся в стремлении добиться устойчивого положения в избранном профессиональном поле, обусловленного высоким профессиональным мастерством. Юные спортсмены проходят стадии исследования и консолидации, в понимании Д. Е. Сьюпера, в возрасте от 12–15 до 19–24 лет [7]. Таким образом, приобретение спортивного мастерства накладывается на процесс становления личности и интеллектуального развития, совпадает с получением образования и обычно рассматривается с точки зрения влияния на спортивные результаты.

Мы в своем исследовании считаем, что ранняя спортивная профессионализация, а также сам факт занятия спортом (фемининным или маскулинным) накладывает отпечаток на формирование Я-концепции, а именно составляющих – Я-физическое и Я-эстетическое. Это мнение подтверждается многими авторами. Есть и другие мнения специалистов о том, что включение в углубленные занятия в подростковом и юношеском возрасте может стать причиной дисгармонии в личностном развитии, которые затрудняют адаптацию к жизни вне спорта после завершения спортивной карьеры [5, 8].

Исходя из этих исследований, мы предполагаем, что формирование Я-концепции (Я-эстетического и Я-физического) тесно связано с гендерными особенностями мужчин и женщин, занимающихся преимущественно «мужскими» или «женскими» видами спорта.

Под мужскими видами спорта нами понимаются те, в которых традиционно важными спортивными качествами являются сила, выносливость, скорость реакции, такие как футбол, баскетбол, волейбол. Под «женскими» видами спорта понимаются такие, в которых традиционно важными качествами являются гибкость, эстетика, грация, демонстративность (гимнастика, танцы, балет, черлидинг). Также нами рассматривалась такая категория молодежи, как «приобщенные» к спорту и физической культуре и «не приобщенные». Под «приобщенными» нами понимались молодые люди и девушки, которые занимаются спортом давно, практически на профессиональном уровне, имеют спортивные достижения, либо занимаются физической культурой, фитнесом на любительской основе, интересуются спортом и спортивной жизнью. «Не приобщенными» к спорту молодыми людьми мы назвали тех, кто никогда не занимался спортом, не имеет никакой физической нагрузки и не интересуется спортивной жизнью общества.

Многие авторы отмечают, что занятие спортом в целом, и спортивная специализация, в частности, накладывает отпечаток на формирование Я-физического образа (Л. Г. Уляева, А. В. Шишковская, М. Е. Сандомирский, А. Г. Кечеджан). Вот к какому выводу пришла А. В. Шишковская в результате исследования Я-физического спортсменов с разной спортивной специализацией: «Содержанием Я-физического выступают отраженные в представлениях человека значимые особенности собственного тела. В содержании Я-физического включены представления о своем теле, его функционировании и особенностях; представления об индивидуальных границах собственного тела; отношение к собственной внешности; представления об отдельных частях тела, их функционированию, способ самоотношения к собственному телу» [9, с. 62].

В нашем исследовании мы предположили, что у «приобщенных» к физической культуре и спорту девушек в «мужских» видах спорта будет доминировать маскулинный гендерный стереотип, в «женских» видах спорта у юношей – фемининный стереотип. И данный стереотип будет оказывать воздействие на формирование Я-образа – эстетического и физического – у исследуемых молодых людей.

В качестве объекта исследования выступили юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет. Первая группа была представлена респондентами, зани-

мающимися «мужскими» видами спорта (футбол, баскетбол, волейбол, большой теннис, рукопашный бой, тяжелая атлетика) – 6 девушек и 7 юношей. Вторая группа – респондентами, занимающимися «женскими» видами спорта (художественная гимнастика, синхронное плавание, легкая атлетика, танцы, черлидинг, йога) – 6 юношей и 6 девушек. Третья группа – респондентами. «не приобщенными» к физической культуре и спорту – 8 юношей и 12 девушек. Всего приняли участие 45 человек.

Исследование проводилось при помощи авторской анкеты – отбирались респонденты. «приобщенные» и «не приобщенные» к физической культуре и спорту, а также с помощью методики на гендерную идентичность Сандры Бем [6].

В ходе исследования выяснилось, что в группе девушек, занимающихся «мужскими» видами спорта, в 100 % случаев выражена андрогинная гендерная идентичность. В группе юношей, занимающихся «мужскими» видами спорта, выражена в 80 % андрогинная гендерная идентичность и в 20 % – маскулинная гендерная идентичность (рис. 1).

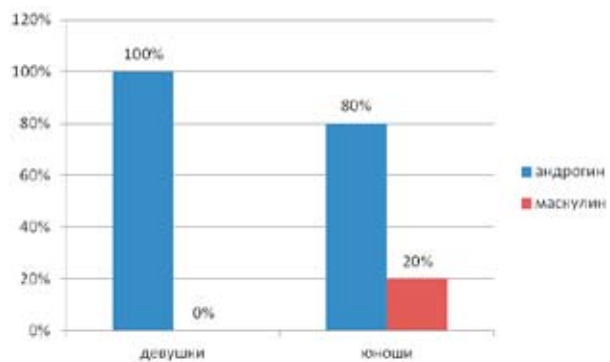

Рис. 1. Девушки и юноши, занимающиеся «мужскими» видами спорта

Андрогинный тип по методике Сандры Бем проявляется в следующих характеристиках: «каждый человек сочетает в себе психологические качества обоих полов,.. успешное сочетание как традиционно мужских, так и традиционно женских качеств», определяя психологическую андрогинию как «способность человека менять свое поведение в зависимости от ситуации» [6, с. 25]. В группе девушек, занимающихся «женскими» видами спорта, выражены в 50 % андрогинность, в 50 % фемининность. В то же время в группе юношей, занимающихся «женскими» видами спорта, в 100 % выражена андрогинность (см. рис. 2).

В группе «не приобщенных» к физической культуре юношей и девушек мы наблюдаем следующую тенденцию. Среди девушек доминирует андрогинная гендерная типология (58 %), а фемининная и маску-

линные выражены наименьшими показателями (25 % и 16,7 %). В то же время у юношей, «не приобщенных» к физической культуре и спорту, доминирует феминная гендерная типология (62,5 %), а маскулинная и андрогинная выражены меньшими показателями (25 % и 12,5 %), причем маскулинность выражена еще более низким показателем, чем в женской группе (12,5 %) (рис. 3).

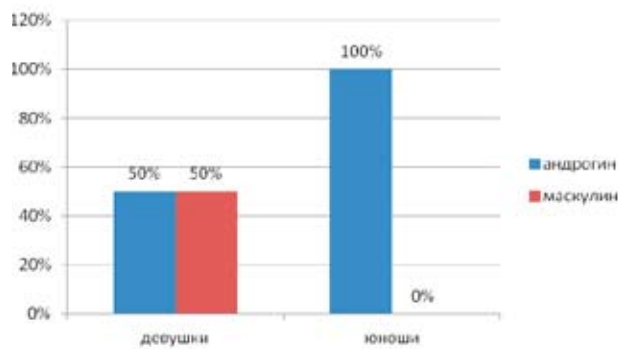

Рис. 2. Юноши и девушки, занимающиеся женскими видами спорта

Рис. 3. Юноши и девушки, «не приобщенные» к физической культуре и спорту

Таким образом, гипотеза, выдвинутая нами, подтвердилась лишь частично. У девушек, занимающихся футболом и баскетболом – типично «мужскими» видами спорта – доминирует не маскулинная, а андрогинная гендерная типология в 100 % случаев, а у девушек, занимающихся «женскими» видами спорта, андрогинность и маскулинность распределяется по 50 %. Что же касается девушек, не занимающихся спортом, у них также доминирует андрогинный гендерный тип в большей половине случаев (58 %). Феминность же во всех группах девушек минимизирована. Мы склонны связывать этот факт со спецификой социального и культурного функционирования в современном обществе мужчин и женщин.

В отношении мужчин ситуация несколько меняется. Среди занимающихся мужскими видами спорта, вопреки ожиданиям выраженности маскулинного типа гендерной идентичности, нами был обнаружен в большей степени андрогинный (80 %) и в меньшей степени маскулинный (20 %) гендерный тип. Для мужчин, занимающихся «женскими» видами спорта, характерен 100 % андрогинный гендерный тип, вопреки ожиданиям феминного типа. В то же время у юношей, не занимающихся спортом, мы видим доминирование феминного гендерного стереотипа – 62,5 %.

Такие показатели дают возможность сделать следующие выводы.

1. Девушки, занимающиеся типичными «мужскими» видами спорта, в 100 % случаев имеют выраженную андрогинную гендерную типологию.
2. Юноши, занимающиеся типичными «женскими» видами спорта, в 100 % случаев имеют выраженную андрогинную типологию.
3. Юноши и девушки, приобщенные к «мужским» и «женским» видам спорта, в большей степени склонны к формированию андрогинного типа гендерной идентичности.
4. Девушки, «не приобщенные» к физической культуре и спорту, демонстрируют андрогинный тип гендерной идентичности, что может быть связано с социальными и культурными особенностями современного общества.
5. Юноши, «не приобщенные» к физической культуре и спорту, демонстрируют в большей половине случаев феминный гендерный стереотип.
6. Можно предположить, что для формирования Я-образа, как Я-физического, так и Я-эстетического, наиболее негативным воздействием может оказаться формирование феминной гендерной идентичности у юношей, не занимающихся спортом. Девушки же, не занимающиеся спортом, так же, как и те, которые занимаются спортом (независимо от выраженности «мужского» или «женского» вида), в большинстве случаев демонстрируют андрогинный гендерный тип.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцов Д. В.* Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 2. – С. 9–19.
2. *Горская Г. Б., Бондаренко Н. А., Зернова Т. Н.* Полоролевые стереотипы как регуляторы самопринятия человека в качестве субъекта деятельности // Психологические проблемы самореализации личности. – Краснодар, 2000. – С. 57–72.

3. *Дамадаева А. С.* Влияние занятий спортом на гендерные характеристики личности женщин // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2010. – № 3(61). – С. 45–47.
4. *Дамадаева А. С., Шахов Ш. К.* Гендерные аспекты психологического сопровождения спортсменов // Известия дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – Махачкала: Изд-во ДГПУ, 2011. – С. 23–26.
5. *Лях В.* Психологические проблемы юношеского спорта в странах западной Европы. // Материалы Международного форума «Молодежь-Наука-Олимпизм». – Москва, 1998. – С. 151–153.
6. *Касьяник Е. Л., Макеева Е. С.* Психологическая диагностика самосознания личности. – Мозырь: Содействие, 2007. – 200 с.
7. *Стамбулова Н. Б.* Психология спортивной карьеры. – СПб., 2011. – 180 с.
8. *Шишковская А. В.* Особенности физического Я спортсменов разной спортивной специализации // Российский психологический журнал. – 2011. – Т. 8. – № 2. – С. 82–88.
9. *Шишковская А. В.* Содержание Я-физического и особенности саморегуляции спортсменов разной физической специализации // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2011. – № 9 / 1. – С. 60–62.
10. Applied Sport Psychology. Personal Growth to Peak Performance / J.M.Williams (Ed.). 2d ed. – London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1993. – 383 p.
11. *Stambulova N. B.* Dynamics of the athlete-coach relations in the course of the athlete's sports career // Portuguese Journal of Human Performance Studies. – 1999. – Vol. 12. – N 1. – P. 21–34.
12. *Ungerleider S.* Mental training for peak performance. – Emmaus, Pennsylvania: Rodale Press, Inc., 1996. – 196 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОИНИЦИАЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КОМАНДООБРАЗОВАНИЯ

Проненко Е. А.

В статье анализируются аспекты начального этапа формирования команды. Показана роль самоорганизации совместной мыслительной деятельности для улучшения процесса смыслоинициации. Описана методика формирования команды, понимаемой, как совмещенная психологическая система. В качестве объекта исследования выступил процесс развития команды как самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Участниками исследования стали 40 молодых людей от 19 до 22 лет, студенты Южного Федерального университета. По результатам тестирования из них были участники команд и сформированы 2 группы: контрольная (7 человек) и экспериментальная (7 человек). На основе данных формирующего эксперимента показана значимость поддержания процесса самоорганизации команды для успешности процесса смыслоинициации у участников. Сделан вывод об улучшении условий для согласования смыслов участников команды, важности рассмотрения команды как системы и значимости процесса самоорганизации для достижения смыслового консонанса.

Ключевые слова: команда, командообразование, совместная деятельность, самоорганизация, смыслоинициация.

Сегодня все чаще можно услышать о важности скоординированной командной работы, о том, какие возможности сулит сплоченная работа людей в группе, команде. Аспектам командной работы посвящено много исследований, как в западной, так и отечественной психологии. Однако большинство исследователей команд уделяют внимание уже сформировавшимся командам, исследуют развитие уже каким-либо образом собранных команд. Это относится и к западным классикам (Б. Такмен, М. Дженсен, Б. Басс), и к известным советским исследователям (Л. И. Уманский, В. М. Давыдов, И. Д. Ладанов) [по 6], и к современным отечественным исследователям (Ю. М. Жуков, А. В. Журавлев, Е. Н. Павлова) [5]. При этом в исследовательских моделях можно заметить поверхностное рассмотрение процесса изначального формирования команды, ее комплектования, а также критериев отбора кандидатов. Причина, вероятно, исходит из потребностей практики и из особенностей сферы применения командной работы.

Между тем критерии отбора в команду являются основой, определяющей все направление развития команды. Дальнейшие задачи развития команды заключаются в том, чтобы поддержать совместную

смыслоинициацию участников команды, ведь только при выработке и реализации общих смыслов возможно единство команды.

Новизна исследования состоит как в предмете – особенностях появления смысла в командном взаимодействии, чему уделено в научных работах недостаточно внимания, так в основном методологическом основании работы – теории самоорганизации совместной мыслительной деятельности, которое позволяет проследить и объяснить стадии появления смысла. Практическая значимость исследования состоит в том, что изучение процессов смыслоинициации и смыслообразования в ситуациях командного взаимодействия открывает возможности для разработки практических рекомендаций в вопросе развития команды, которые предполагают укрепление взаимопонимания, повышение мотивации членов команды, повышение ответственности к своей части работы, увеличение уровня сплоченности команды, и как следствие – повышение эффективности деятельности команды.

Методологической основой исследования выступила теория самоорганизации совместной мыслительной деятельности, разрабатываемая

А. К. Белоусовой [2]. Эта концепция основана на положениях синергетики и теории психологических систем Е. В. Ключко [3], и в ней группа рассматривается как совмещенная психологическая система, осуществляющая совместную мыслительную деятельность. Главной функцией такой совмещенной психологической системы является самоорганизация, а успешность протекания процесса самоорганизации и определяет успешность деятельности команды и уровень ее развития. Для того, чтобы процесс самоорганизации проходил успешно, необходимо учитывать два главных фактора: образование общегрупповых психологических новообразований: смыслов, мотивов, целей, оценок; и функциональное распределение, где выделяются 4 главных функции – генерации, селекции, смыслопередачи, реализации.

Прежде чем заниматься формированием команды, необходимо определить критерии отбора кандидатов, и эти критерии должны уже в начале деятельности обеспечить условия для самоорганизации совместной деятельности команды. Но перед этим еще раз, пристальнее, посмотрим на то, чем же является команда.

На сегодняшний день существует множество определений команды. Одно из самых точных, по нашему мнению, дал социальный психолог П. В. Филиндаш. Команда рассматривается им «как высшая форма развития совместной деятельности, которой присущи следующие основные особенности: наличие согласованных и принятых целей, ценностей и норм работы; социально-психологическая сплоченность и адаптивность поведения каждого по отношению к другим; развитая гибкая коммуникация; гибкая ролевая структура; высокий уровень самоконтроля деятельности и гибкое распределение ответственности; признание человека как личности во всем многообразии его особенностей и потребностей» [4]. Команда – это сложный объект, поэтому ее необходимо рассматривать во всей совокупности его характеристик.

Итак, если мы понимаем команду в нашем исследовании, главным образом, как синергетическую, совмещенную психологическую систему, то при ее формировании мы должны, прежде всего, стремиться обеспечить ее самоорганизацию. В синергетике самоорганизация – это «процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы» [3, с. 12]. Относительно совмещенной психологической системы самоорганизация означает саморазвитие, самоструктурирование и самомотивацию для осуществления деятельности. По нашему мнению, именно самоорганизация является фактором успешности командного взаимодействия и выполнения деятельности, это означает динамическое переструктуриро-

вание, саморазвитие, выходящее за определенные рамки, идущее своим собственным путем.

Для этого, прежде всего, необходимо создать условия для совместной деятельности. Признаками совместной деятельности являются единая цель и мотивация, разделение деятельности на функциональные составляющие и их распределение между участниками, общий результат, и общая ответственность за него. Совместная деятельность является тем, без чего команда-система вообще не может состояться.

Далее нужно определить, что же является факторами самой самоорганизации. В совмещенной психологической системе это, прежде всего, функциональное распределение и производство общих новообразований.

Первый фактор – это функциональное распределение. Выделенные А. К. Белоусовой четыре функции: генерации, селекции, смыслопередачи и реализации – это те функции, благодаря которым происходит самоорганизация и саморазвитие психологической системы [2]. Через эти функции происходит взаимодействие участников команды с окружающим миром, и этот способ взаимодействия определяет отношение к окружающей среде и выполняемой деятельности. Таким образом, все эти четыре системные функции должны быть представлены в команде-системе для ее развития и успешного выполнения деятельности.

Второй фактор самоорганизации команды – это формирование и динамика общих новообразований, прежде всего, смыслов, мотивов, оценок, целей, а также собственных, командных ценностей и правил. Для самоорганизации необходимо производство общих новообразований, которые являются предметной ее стороной. А собственные правила объединяют участников команды, помогают обозначить поле взаимодействия и деятельности, создают общую «территорию команды». В итоге общие и самостоятельно выработанные и принятые правила, нормы, ценности создают и поддерживают целостность команды, что способствует ее самоорганизации как системы.

В соответствии с вышеизложенными положениями было проведено эмпирическое экспериментальное исследование по формированию команды. Это исследование является первым этапом исследования развития команды, изучения условий смыслоинициации. Дальнейшие исследования предполагают акцент и на тех условиях смыслоинициации, которые возникают в уже сформированной команде.

Объект исследования – процесс развития команды как самоорганизация совместной мыслительной деятельности.

Предмет исследования – психологические аспекты смыслоинициации у участников команды на этапе ее становления.

Гипотеза исследования заключалась в следующем: в экспериментальной команде, при создании которой обеспечиваются необходимые условия и учитываются факторы самоорганизации, условия для смыслоинициации будут лучше, степень успешности взаимодействия и осуществления деятельности будут выше, и сама команда достигнет более высокого уровня развития, чем контрольная команда, созданная без учета этих условий.

В исследовании приняли участие 40 молодых людей от 19 до 22 лет – студенты Южного Федерального университета. Исследование проходило в два этапа: на первом этапе необходимо было исследовать с помощью диагностических методик индивидуальные особенности испытуемых, затем на основании критериев отбора в команду сформировать экспериментальную и контрольную группы по 7 человек в каждой. На первом этапе испытуемые были продиагностированы с помощью следующих методик.

1. Для обеспечения правильного распределения системных функций команды была выбрана методика «Измерение стилей мышлений» А. К. Белоусовой.
2. Для определения командных ролей – тест «Групповые роли» на основе концепции М. Белбина.
3. Для изучения социально-психологических особенностей – «Коммуникативные и организаторские склонности» (В. В. Синявский, В. А. Федорошин) и тест на диагностику эмоционального интеллекта Н. Холл.
4. Далее, после обработки результатов данных диагностических методик, участники были распределены по командам. Критерии отбора в экспериментальную группу:

- 1) баллы хотя бы по одному стилю мышления (по методике «Измерение стилей мышления») более 25 (из 32), т. е. выше 78 %;
- 2) выраженные 1–3 роли по опроснику «Групповые роли» и место в модели распределения ролей. То есть распределение таким образом, чтобы по возможности большинство ролей было занято;
- 3) уровень коммуникативных и организаторских способностей не ниже уровня 2 «ниже среднего»;
- 4) баллы по эмоциональному интеллекту не меньше 30.

Участники в контрольную команду отбирались случайным образом из оставшихся прошедших тестирование. Далее с каждой из команд по отдельности была проведено в течение 3 недель по 3 встречи, на которых команды выполняли единообразные задания. Задания предполагали общее обсуждение, систематизацию имеющихся данных и поиск нестан-

дартного решения, а также визуализацию полученных результатов. Во время выполнения деятельности фиксировались данные 2 типов:

- 1) особенности выполнения: активность, живость работы, моменты отвлечения участников от деятельности, взаимодействия участников между собой и т. д.,
- 2) процессы распределения функций генерации, селекции, смыслопередачи и реализации в команде как совмещенной психологической системе.

Для стимулирования общекомандных новообразований, которые являются предметной стороной самоорганизации, был разработан тренинг для экспериментальной группы. Тренинг включал в себя акцентирование внимания на важности функционального распределения, задания, способствующие выработки таких общих новообразований, как смыслы, мотивы, цели, оценки, и задания, направленные на способствование выработкой командой своих собственных норм и правил.

За каждое проявление той или иной функции участнику засчитывался 1 балл, однако если участник активно и течение длительного времени осуществлял какую-то функцию, то это обозначалось знаком **Ак** (Активность). Затем данные были обобщены, результаты представлены в таблице 1. По таблице видно, что экспериментальная группа превосходит контрольную по потенциалу каждой функции, и в 2 и более раза превосходит в способности участников проявлять те или иные функции.

Таблица 1

Потенциал по функциям и реальное функциональное распределение в контрольной и экспериментальной группах

Функции	Потенциал по функциям (по тесту «Стили мышления»)				Реальное функциональное распределение	
	Контрольная группа		Экспериментальная группа		Контрольная группа	Экспериментальная группа
	Общий балл	Средний балл	Общий балл	Средний балл	Кол-во проявлений функций	
Генерация	123	17,5	145	20,7	58 + 1Ак.	133
Селекция	143	20,4	160	22,8	50	99
Смыслопередача	134	9,1	162	23,1	88 + 2Ак.	226 + Ак.
Реализация	150	21,4	177	25,2	18 + 6Ак.	47 + 8Ак.

По результатам наблюдения за особенностями выполнения деятельности были получены следующие

данные: участники экспериментальной группы гораздо больше включены в деятельность и намного меньше отвлекаются от нее, чем участники контрольной, мотивация и слаженная работа во время выполнения заданий у экспериментальной группы усиливались в течении 3 встреч, а у контрольной наоборот, понижались, темп работы у экспериментальной группы был выше, чем у контрольной, и они значительно реже просили повторить условие задания.

После окончания выполнения деятельности, на последней встрече участникам были предложены 3 опросника, выявляющие представления об уровне развития их команды.

1. Определение индекса групповой сплоченности Сижора. Средний балл контрольной группы – 14,1, что характеризует уровень сплоченность группы как выше среднего. Средний балл экспериментальной группы – 16,7, что характеризует уровень сплоченность группы как высокий.
2. Для комплексной оценки удовлетворенности работой команды, рефлексии участниками того, насколько успешно было командное взаимодействие и решение задачи, нами был разработан опросник «Качественные характеристики командной деятельности и взаимодействия», состоящий из 8 вопросов.

Таблица 2

**Средние баллы в группах по опроснику
«Качественные характеристики командной
деятельности и взаимодействия»**

Вопрос	Средние баллы контрольной группы	Средние баллы экспериментальной группы
1. Насколько вы удовлетворены работой команды?	3,8	4,8
2. В какой степени удовлетворены Ваши личные интересы как участника команды?	3,6	4,6
3. Оцените степень успешности взаимодействия в вашей команде (качество взаимодействия, единства).	3,5	5
4. Какова степень успешности решения поставленных задач?	3	4,8
5. Какова степень заинтересованности в решении задач участников вашей группы?	3,5	4,8
6. Каковы степень понятности и качество обмена информацией в команде?	3,7	4,6
7. Оцените степень единства и ясности ценностей, правил в вашей команде.	3,6	5
8. Оцените степень развития команды, насколько ваша группа состоялась как единая команда.	4	4,9

Кроме того, на последний вопрос, кроме оценки, участникам предлагалось дать краткий комментарий. Судя по ответам, большинство участников контроль-

ной команды позитивно оценивает работу своей команды, но степень позитивности различается: по мнению одного участника, группа состоялась как единая команда («наша группа дружно подошла к решению данных нам заданий»), по мнению другого, «стать единой командой не получилось, но нормально взаимодействовать друг с другом смогли». В целом, ответы соответствуют результатам опросника Сижора, по которому данная команда определяется как команда среднего уровня. Ответы участников экспериментальной команды отражают высокий уровень различных аспектов деятельности, как продуктивность («быстро справлялись с задачами», «сумели выполнить задания на высоком уровне», сумели добиться хороших результатов»), так и уровень единства команды («группа сплотилась, стала организованной», «учитываются интересы всех членов группы»).

3. Диагностика уровня развития группы (Л. И. Уманский, А. Н. Лутошкин). Средний балл контрольной группы 35,8, по классификация группа на стадии развития кооперация «Мерцающий маяк» (3 стадия развития группы из 5-ти). Средний балл экспериментальной группы 46,7. По классификации группа на стадии развития автономия «Алый парус» (4 стадия).

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Команду уже на стадии формирования следует рассматривать как систему, способную к самоорганизации. Такие факторы, как функциональное распределение, производство и динамика новообразований, являются теми психологическими механизмами, которые определяют возможности развития команды и содействуют процессу самоорганизации. Таким образом, гипотеза исследования полностью подтвердилась. В экспериментальной команде наблюдаются гораздо лучшие условия для согласования и появления смыслов, что подтверждается и частным упоминанием слова «сплоченность» в их ответах, и большей удовлетворенностью командной работы, и оценкой уровня развития своей команды. Участники экспериментальной группы смогли в гораздо большей степени согласовать свои индивидуальные смыслы и прийти к командному смысловому консонансу. И главным фактором, который этому способствовал, нам представляется именно процесс самоорганизации смещенной психологической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова А. К, Пищик В. И. Стиль мышления: учебное пособие. – Ростов н/Д, 2010. – 152 с.
2. Белоусова А. К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2002. – 360 с.

3. *Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 174 с.
4. *Филиндаш П. В.* Социально-психологические детерминанты командообразования: дис.... канд. психол. наук. – М., 2010. – 197 с.
5. *Жуков Ю. М., Павлова Е. Н., Журавлев А. В.* Технологии командообразования: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 320 с.
6. *Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* Социальная психология малой группы: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 318 с.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКИХ УСТАНОВОК В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Юшко М. А.

В статье рассматривается влияние информационного контента СМИ на современную молодежь. Исследуется степень воздействия современных СМИ на формирование антиэкстремистских установок у молодых людей. Автором разработана анкета для получения необходимых для исследования данных. В качестве объекта исследования были выбраны студенты третьего курса очного отделения ЮФУ, всего 114 человек. Респонденты были набраны как с естественно-научных факультетов (58 человек), так и с гуманитарных факультетов (56 человек).

Анализ анкетных данных показал, что информацию о процессах, происходящих в обществе, современная молодежь чаще всего получает из электронных СМИ (телевидение, сеть Интернет). При этом уровень доверия к печатным СМИ (газеты, журналы и др.) в 2 раза ниже, чем к электронным. Сделан вывод о том, что антитеррористические ценностно-смысловые установки в молодежной среде могут быть сформированы с использованием материалов информационного контента сайтов антитеррористической направленности.

Ключевые слова: *информационный контент, молодежная среда, ценностно-смысловые установки, экстремизм, антиэкстремистские установки.*

В современном обществе остро стоит проблема молодежного экстремизма. Он является серьезным вызовом национальной безопасности, источником рисков и угроз для общества в целом и для каждого отдельного человека в частности. Рост экстремистских настроений в обществе связан с легкой доступностью экстремистских материалов, широкой пропагандой экстремизма и терроризма через интернет и печатные материалы. Основной поток сведений о внешнем мире молодежь получает через средства массовой информации, которые не только сообщают о том, что происходит вокруг, но и распространяют модели, общественные нормы, служащие образцом при формировании человеческих отношений, ценностей и интересов, определяющих образ жизни индивида в целом. Благодаря этому СМИ превращаются в мощнейший фактор воздействия на картину мира как отдельного человека, так и общественных групп в целом.

Особенно подвержена воздействию экстремистской и террористической пропаганде российская молодежь. Это связано с юношеским максимализмом молодых людей и ростом экстремистских настроений в молодежной среде. В связи с этим появилась острая потребность в противодействии экстремистской пропаганде, снижении экстремистских настроений

в молодежной среде и закреплении установок среди молодежи на неприятие экстремизма и терроризма.

Установка – это определенный взгляд на предмет, человека или идею, основанный на убеждениях, эмоциях и поведении [8]. *Ценностно-смысловая установка* выражает проявляющееся в деятельности личности отношение ее к тем объектам, которые имеют личностный смысл [3].

Ценностно-смысловые установки содержат информационный компонент (взгляды человека на мир и образ того, к чему человек стремится), эмоционально-оценочный компонент (антипатии и симпатии по отношению к значимым объектам), поведенческий компонент (готовность действовать по отношению к объекту, имеющему личностный смысл).

Д. Н. Узнадзе [8] подчеркивает, что первично субъект не подходит к действительности с уже сложившейся установкой, она возникает в процессе воздействия этой действительности. Также он отмечал, что содержание установки зависит от объективного фактора, вызывающего установку того, на что направлена установка.

Основываясь на данном подходе, мы можем предположить, что ценностно-смысловую анти-

террористическую установку можно сформировать в молодежной среде с использованием современных электронных СМИ.

В основе системы установок лежат как когнитивные, так и эмоциональные связи. Более надежным и быстрым способом выработки позитивных установок по отношению к антиэкстремистской деятельности является изменение отношения самой молодежи к проблемам экстремизма и терроризма, имеющимся в обществе. Они должны осознать, что экстремизм не является адекватным ответом на проблемы имеющие в обществе и что этот путь ведет к разрушению, как общества, так и личности.

Логический способ выработки установки срывается не всегда, т. к. человек, как правило, избегает сведений, которые могут доказать ошибочность его поведения. Существует зависимость между вероятностью изменения установки и объемом информации способствующей формированию установки (с увеличением количества информации вероятность изменения повышается, но существует предел насыщения).

Вероятность изменения установки зависит от ее сбалансированности. Молодой человек стремится избегать информации, которая способна вызвать когнитивный диссонанс – несоответствие между установками или установками и реальным поведением молодежи. Когнитивный диссонанс возникает только тогда, когда человек осознает, что его поведение не соответствует его установкам, и только после этого возможна коррекция существующих установок.

В случае сбалансированной системы формирования установок воздействие на молодых людей происходит по принципу *ассимиляционного-контрастного действия*: если мнение молодого человека близко к мнению инициатора воздействия, происходит объединение мнений (ассимиляция), если противоположно, то молодой человек еще больше убеждается в своей правоте (формируются контрастные установки) [6, 7].

Эффективность различных методов воздействия на молодежь зависит от: потребностей, интересов, склонностей и мотивации молодых людей; установок, групповых норм и самооценки; эмоционального состояния, в котором молодой человек находится и которое изменяет его поведение. Для изменения поведения надо изменить иерархию мотивов молодого человека (актуализировать мотивы более низкой сферы).

На основании анализа психолого-педагогической литературы по проблеме исследования [4, 5] можно отметить, что установка на неприятие экстремизма и терроризма формируется у человека, если он: периодически включается в соответствующую антиэкстремистскую практическую деятельность; получает

информацию об экстремизме и его вреде из разнообразных источников (печатные источники, средства массовой информации, кино- и фотодокументы, интернет-ресурсы и др.); включается в престижную, значимую для него деятельность в группе (антиэкстремистском объединении), в которой используются различные механизмы для формирования установок неприятия экстремизма (кооптация).

Ценностно-смысловая установка является важнейшей составляющей понимания и личностного усвоения антиэкстремистского содержания информации. Отсутствие этой установки можно рассматривать как «не включенность механизма понимания», которая внешне проявляется в отсутствии какого-либо интереса к содержанию (меня этот вопрос абсолютно не интересует и я не хочу вникать в детали) [1, 2]. Такая установка может рассматриваться как *негативная установка* и как барьер возникновения смысловой установки по неприятию экстремизма и терроризма [5].

Информация антиэкстремистского характера станет для молодых людей лично значимой только тогда, когда она не будет противоречить уже сложившейся у них системе ценностей и ориентаций. Но это условие (непротиворечивость имеющимся у человека ценностям), является хотя и необходимым, но не всегда достаточным, чтобы убеждающая информация стала для молодого человека лично значимой [9].

Чтобы перевести убеждающую информацию в лично значимую для человека, ему необходимо показать, что основанные на этой информации действия и поступки не только не будут противоречить его ценностным ориентациям, но и будут способствовать удовлетворению его определенных потребностей (поиск единомышленников, друзей; обеспечение безопасности жизнедеятельности и др.).

Для исследования отношения молодежи к информационному контенту современных СМИ мы провели анкетирование студентов третьего курса ЮФУ (как естественно-научных факультетов – 58 человек, так и гуманитарных факультетов – 56 человек). Выбор студентов 3 курса был обусловлен тем, что к 20–22 годам у молодежи уже сформированы смысловые ориентации и система ценностей, и поэтому результаты исследования будут достаточно репрезентативны.

Процедура исследования проводилась методом горизонтального среза и носила характер групповой работы. Математическая обработка данных включала стандартные методы математической статистики: подсчет среднего арифметического, стандартной ошибки, дисперсии. Сравнение средних значений проводилось по t-критерию Стьюдента для независимых

выборок. Для оценки связи между психологическими переменными использовался R-коэффициент корреляции К. Спирмена. Для компьютерной обработки эмпирически полученных данных использовались стандартные статистические методы и программы «Microsoft Excel 7.0».

Для получения общих сведений об отношении молодежи к современным средствам массовой информации, была разработана авторская анкета. Первый блок вопросов анкеты касался выявления тех источников информации, с помощью которых современная активная молодежь (студенчество) получает информацию о процессах, происходящих в обществе: экономических, политических, социальных. Также исследовалась степень объективности различных видов информационного контента современных СМИ (по мнению студентов).

Представим полученные данные в обобщенном виде на рисунке 2. Наименее значимым источником получения информации обо всех процессах, происходящих в обществе, студенты считают журналы (1,7). Второй блок источников, получивших также низкие баллы, представлен: радио (2,2), газетами (2,3) и беседами с близкими и друзьями (2,7). Интересен и тот факт, что степень объективности этих источников получения информации (по мнению студентов) также достаточно низка (от 1,7 до 2,3 баллов по пятибалльной шкале).

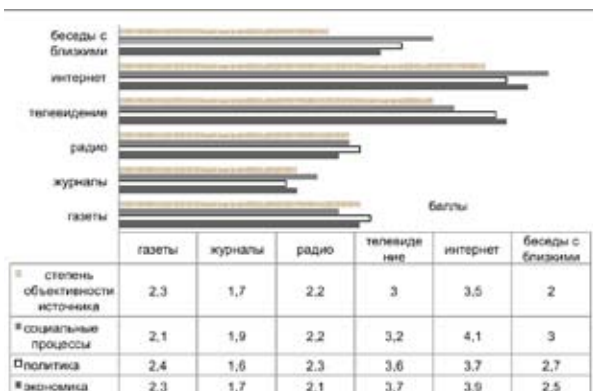

Рис. 2. Источники получения информации у современной молодежи

Более высокими баллами студенты оценили такие источники получения информации, как телевидение (3,5) и сеть Интернет (3,9). При этом студенты считают, что степень объективности публикаций в Интернете самая высокая. Мы считаем, что такая позиция обусловлена тем, что на телеканалах и в сети Интернет очень быстро появляется информация «из первых уст» и можно увидеть репортажи с места события. В сети Интернет можно также посмотреть комментарии большого количества людей разной возрастной,

социальной и этнической принадлежности по поводу экономических, социальных и политических процессов, происходящих в России и во всем мире.

Так как современная молодежь чаще всего получает интересующую их информацию из сети Интернет, то второй блок вопросов нашей анкеты был призван выявить отношение студентов ЮФУ к сайтам, в которых отражено отношение различных лиц и организаций к терроризму и экстремизму в мировом масштабе. Студентам были предложены 2 группы сайтов для анализа, представленного на них информационного контента:

- сайты, которые пропагандируют нетерпимость к другим этносам и значимость только своей позиции по различным проблемам современности (например, <http://kavkasia.net>; <http://hunafa.com/>). Мы назвали их «сайты террористической направленности»;
- сайты, которые пропагандируют толерантность к другим этносам и призывают к сотрудничеству людей всех социальных слоев и вероисповеданий (например, <http://scienceport.ru>; <http://terroristica.info/>). Мы назвали их «сайты антитеррористической направленности».

Так как предметом нашего исследования является возможность формирования антиэкстремистских установок в молодежной среде через средства массовой информации, то мы поделили всех участников опроса на три группы (по их отношению к сайтам антитеррористической направленности): группа с положительным отношением к такого рода информации (*группа с позитивной оценкой*); группа с отрицательным отношением к такого рода информации (*группа с негативной оценкой*); группа с нейтральным отношением к такого рода информации (*группа с нейтральной оценкой*).

Самая многочисленная группа получилась из студентов с нейтральным отношением к информационным материалам антитеррористической направленности (51,3 % респондентов). На втором месте можно видеть группу с положительной оценкой информационных материалов антитеррористической направленности (37,3 % респондентов). На третьем месте по численности респондентов находится группа с негативной оценкой информационных материалов антитеррористической направленности (11,4 % респондентов). Дальнейший анализ полученных данных мы проводили исходя из деления студентов по этим трем подгруппам.

При ответе на вопрос анкеты «*Какие из материалов сайта вызвали у Вас наибольший интерес?*», получены и обобщены следующие данные:

- большинство студентов во всех группах отдают предпочтение информационному (30,1 %) и описательно-фотографическому (28,3 %) мате-

- риалу. Это понятная ситуация, т. к. проще всего просмотреть описание событий и комментарии к ним, чтобы создать представление о событии;
- «видеофайлы с места событий» более всего предпочитают студенты группы с нейтральной оценкой исследуемых сайтов (22,6 %). Этот вид материалов можно условно отнести на третье место по степени интереса у студентов ЮФУ. Причем эта тенденция более всего прослеживается при изучении сайтов антитеррористической направленности;
 - менее всего представляют интерес для студентов такие способы работы с информацией, как «интервью» (8,6 %) и «форумы, блоги» (10,4 %).

Рассмотрим также ответы студентов на вопрос «*На какую возрастную аудиторию, по Вашему мнению, направлены материалы, которые представлены на исследуемых сайтах?*». Мнения студентов распределились следующим образом.

Большинство студентов всех групп и факультетов считают, что сайты антитеррористической направленности направлены на молодежь (16,1 % опрошенных) или людей любого возраста (8,9 %). Сайты же террористической направленности направлены, в основном, на молодежную аудиторию (так считают 21,7 % всех опрошенных) и людей среднего возраста (17,9 %). Полученные данные еще раз подтверждают мнения социологов, политиков и психологов, что воздействие экстремистских организаций направлено, в основном, на активную деятельную молодежь и людей среднего возраста. Отсюда следует, что необходимо всячески пропагандировать сайты антитеррористической направленности и обучать молодое поколение приемам отбора материала из интернет-источников и его анализа для формирования собственных установок терпимости к представителям и культурному наследию различных этносов и конфессий.

При ответе на вопрос «*На какую целевую аудиторию направлены материалы, которые представлены на исследуемых сайтах?*», мнения респондентов разделились. Большинство студентов ЮФУ различных факультетов считают, что сайты антитеррористического характера направлены на любую аудиторию (причем больше всего студентов – 28,6 % из их числа относятся к группе с нейтральной оценкой данных сайтов).

На второе место (при оценке сайтов антитеррористической направленности), студенты определили такие группы людей, как «люди, поддерживающие правящую партию» и «молодежь». Причем наибольший процент студентов, который выбрал эти группы людей, также относится к студентам с нейтральной оценкой этих сайтов.

По отношению к сайтам террористической направленности картина несколько меняется. Так, боль-

шинство студентов различных факультетов, считают, что эти сайты направлены на людей с радикальными настроениями (около 13 %) или молодежную аудиторию (около 12 %). Причем эти целевые группы особо отмечают студенты с позитивной оценкой данных сайтов и с нейтральной оценкой.

Направленность на такую целевую аудиторию, как «люди, поддерживающие взгляды умеренной оппозиции», отмечает только группа студентов с нейтральной оценкой сайтов террористической направленности.

В соответствии с результатами проведенного исследования были сделаны ряд выводов и обобщений.

1. На основе анализа анкетных данных доказано, что информацию о процессах, происходящих в обществе, современная молодежь чаще получает из электронных СМИ (телевидение, сеть Интернет), чем из печатных СМИ (газеты, журналы и др.) Анализ результатов анкетирования студентов 3 курса естественно-научного и гуманитарного факультетов ЮФУ показал, что они больше всего доверяют электронным СМИ (телевидение и Интернет). При этом уровень доверия к печатным источникам информации в 2 раза меньше, чем к электронным. Таким образом, можно говорить о том, что молодежь, принимающая участие в исследовании, предпочитает получать информацию из электронных СМИ, а печатные источники информации имеют низкое доверие в молодежной среде и их роль сильно снизилась.
2. На основании анализа психологической литературы и результатов констатирующего эксперимента обосновано, что антитеррористические ценностно-смысловые установки в молодежной среде могут быть сформированы с использованием материалов информационного контента сайтов антитеррористической направленности.
3. Таким образом, обоснована необходимость проведения дальнейших исследований в данной сфере для лучшего понимания проблемы распространения экстремизма и терроризма. При этом необходима разработка приемов противодействия пропаганде экстремизма и терроризма в электронных СМИ у современной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В.* Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (психолого-дидактический подход). – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. – 44 с.
2. *Абакумова И. В., Азарко Е. М., Ефименко В. Н.* Становление и развитие понятия «личностный смысл» как категории отечественной психологии. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2002. – 440 с.

-
3. *Асмолов А. Г.* Психология личности. – М.: Смысл, 2001. – 367 с.
 4. *Волков С. И.* Особенности личностного восприятия сайтов антитеррористической направленности: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2012.
 5. *Кожушко Е.* Современный терроризм. Анализ основных направлений. – Минск: Харвест, 2010. – 447 с.
 6. *Нестеренко И. Е.* Психолого-дидактические особенности формирования смысловых установок старшеклассников в учебном процессе: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2009.
 7. *Торшинин М. Е.* Социально-психологическая установка личности. – Иваново: МИБИФ, 2010. – 15 с.
 8. *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. – М.: Наука, 1996. – 416 с.
 9. *Martin W. J.* The Information Society. – London Aslib, 1988. – 194 p.
 10. *Turkle Sh.* Parallel lives: working on identity in virtual space Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction. – N.Y., 1996. – pp. 156–175.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ И СВЯЗАННЫХ С НЕЮ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ У СТУДЕНТОВ РАЗНОГО ПОЛА

Афанасенко И.В.

В статье представлено исследование половых различий в особенностях структуры индивидуальной религиозности и связанных с ней личностных черт у студентов. Обнаружены сходства в содержании доминирующих показателей религиозности у юношей и девушек, и различия в виде выраженной веры в магию, проявляющейся у девушек. Половые также различия проявляются во взаимосвязях показателей религиозности с личностными свойствами студентов.

Ключевые слова: религиозность, структура религиозности, локус контроля внутренний и внешний (интернальность-экстернальность), личностные свойства.

В современной общественной жизни нашей страны отчетливо прослеживается тенденция усиления роли религии. Это проявляется в сотрудничестве церкви с институтами власти и светскими организациями, разработке совместных программ, позволяющих конструктивно решать духовно-нравственные и социальные проблемы общества. Отделение психологии от теологии в России произошло в XVIII в. и, несмотря на периодическое изменение ее предмета, научный интерес к религии проявлялся на всех этапах развития науки. На фоне активной «материализации» психологии, начиная с XVIII в., имело место развитие отечественных психологических идей в русле православной святоотеческой традиции в богословских трудах Д. Ростовского, П. Величковского, Т. Задонского, в научных трудах Г. С. Сковороды [2]; в XIX – начале XX вв. учеными религиозной ориентации: Никанором, архиепископом Херсонским, митрополитом Антонием (Храповицким), С. С. Гогоцким, В. С. Серебренниковым, Н. О. Лосским, В. И. Несмеловым, В. А. Снегиревым, П. Д. Юркевичем, В. С. Соловьевым, В. В. Розановым, И. И. Лапшиным, С. Ф. Франком, Л. М. Лопатиным, С. Н. Трубецким и Е. Н. Трубецким и др. [2, 9]. Согласно Т. В. Артемьевой, русские мыслители наделяли понятием «Бог» и «душа» не вероисповедным, а философским, произвольно создаваемым смыслом [2]. Ряд научных исследований XX в. посвящен изучению феномена религиозности в различных аспектах: в русле исследования многообразия переживаний присутствия божественного в индивидуальном опыте человека (W. James, 1961); в контексте интеграции психологии и религии (С. G. Jung, 1964); в исследовании содержания религиозных мотивов в переживаниях субъектов, находящихся в процессе холотропной терапии

(S. Grof, 1985); как одного из важнейших факторов пиковых переживаний (A. Maslow, 1964); в рамках понимания личной религиозности как духовности и ее направленности на поиск сакрального (Р. Эммонс, 2004). У некоторых авторов понятие индивидуальной религиозности выступает фактически синонимичным понятию духовности (W. James, Р. Эммонс). В рамках настоящего исследования нам близка точка зрения, согласно которой духовность понимается шире, нежели религиозные переживания, и наряду с ними, включает и другие [1]. В отечественной литературе представлены результаты эмпирических исследований структуры религиозности у представителей определенных конфессий [3, 7, 8, 11], представителей разных культур [6, 11], молодежи [4, 5] и представителей старшей возрастной группы и долгожителей [10]. Исследование индивидуальной религиозности у представителей юношества представляется нам актуальным в силу ее недостаточной изученности, равно как малой изученности феноменов, лежащих в ее основе, и их взаимосвязи с личностными особенностями субъектов.

На индивидуальном уровне религиозность понимается нами как интегративное социально-психологическое свойство личности, обусловленное наличием у него особой парадигмы восприятия мира, как сотворенного Богом (Творцом). Под структурой религиозности мы понимаем совокупность показателей приверженности индивида к религиозному мировоззрению, имеющих разную степень выраженности. Эмпирическое исследование проводилось в рамках научно-исследовательского дипломного проекта студентки заочного отделения факультета психологии ЮФУ Н. А. Гончаровой.

Целью исследования явилось исследование особенностей структуры индивидуальной религиозности и связанных с нею личностных свойств у студентов разного пола.

Предметом исследования являются показатели индивидуальной религиозности и личностные свойства студентов.

Эмпирический объект исследования: 88 студентов ростовского строительного колледжа (44 юноши и 44 девушки) в возрасте от 16 до 21 года.

Методы исследования

Психологические методики:

- 1) тест для определения структуры индивидуальной религиозности Ю. В. Щербатых, выявляющий выраженность ее 8 показателей по шкалам [8];
- 2) методика изучения уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинды, 1984);
- 3) тест-опросник «Мини-мульти» (СМОЛ) (в адаптации В. П. Зайцева и В. Н. Козюля, 1995).

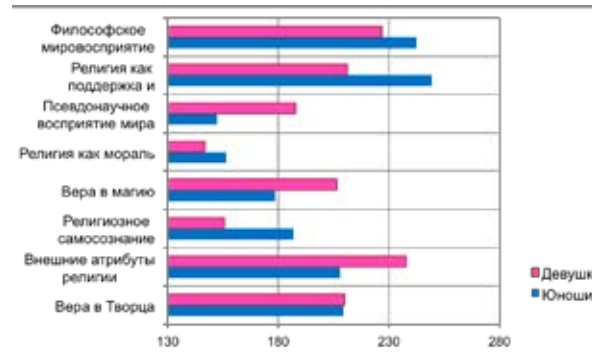
Методы непараметрической статистики: критерий Х²-Фридмана, критерий Т-Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции R-Спирмена, критерий U-Манна-Уитни.

Гипотеза: возможно, будут иметь место различия в особенностях структуры индивидуальной религиозности и взаимосвязи ее показателей с личностными свойствами у юношей и девушек – студентов технических специальностей.

Нами были получены следующие результаты исследования (при $p < 0,05$). В структуре индивидуальной религиозности юношей религиозность определяется преимущественно через поддержку, утешение и опору, веру в Творца и склонность к идеалистической философии, т. е. религия воспринимается ими как механизм, позволяющий с помощью молитвы справляться с личными горестями, бедами, находить в них высший смысл и развивать смирение ($X^2 = 37,2$; $T = 190$). Студенты технических специальностей также склонны задумываться о смысле творения, искать высшую справедливость и верить в то, что существует Некто (Бог, Творец и обозначенный как-то еще), который стоит за всем сущим и реализует замысел творения по своим, высшим законам, не всегда доступным пониманию человека.

Личностные особенности исследуемых юношей характеризуются преобладанием у них шизоидных черт ($X^2 = 230$, $T = 148$), а также выраженностью внутреннего локуса контроля в сфере межличностных отношений и семьи ($X^2 = 87,8$; $T = 79$). С учетом этих результатов юношей – студентов технической специальности, можно охарактеризовать, как способных воспринимать тонкие и абстрактные явления окружающего мира, но проявляющих при этом отстраненность и низкую эмоциональность

в межличностных контактах. При этом они берут на себя ответственность за события, происходящие в семейной сфере, за развитие взаимоотношений в кругу родственников, за процесс и результат общения в более широком кругу общения – в сфере своих социальных контактов.

Примечание: показателями религиозности выступили числовые показатели шкал методики «Структура индивидуальной религиозности» Ю. В. Щербатых.

Диаграмма 1. Распределение сумм ранговых значений показателей религиозности в группах юношей и девушек

Были выявлены многочисленные корреляционные связи между показателями индивидуальной религиозности и личностными свойствами в группе юношей. Высокий уровень общей интернальности ($R = 0,3$) и интернальности в области достижений ($R = 0,42$) проявляется у юношей, воспринимающих религию сквозь призму философского мировоззрения, т. е. рассматривающих ее как изначальное свойство человеческой психики, которое не исчезает в результате его индивидуального развития и образования и связано с бессмертием человеческой души; как образование, несущее пользу для человечества в целом и никак не зависит от попыток ее научного доказательства или опровержения. Вера в Творца уменьшается с возрастом респондентов ($R = -0,34$) и связана с внешним локусом контроля у них в области неудач ($R = -0,36$) и в сфере здоровья ($R = -0,35$), что создает впечатление о присутствии у них некоторого «фатализма» вследствие признания существования силы Высшего порядка, сотворившей все сущее. У юношей, для которых актуально развитие религиозного самосознания, выражена интернальность в области семейных отношений ($R = 0,32$), т. е. стремление брать на себя ответственность за события, происходящие в этой сфере, при этом у них могут проявляться психопатические черты ($R = 0,38$) в виде неустойчивости настроения, обидчивости, чувствительности, в форме агрессивного, конфликтного поведения, пренебрегающего соци-

альными нормами и ценностями. Низкая склонность ориентироваться на псевдонаучные источники у них связана с возможностью проявления рассмотренных выше психопатических черт ($R = -0,33$), а также с высоким внутренним локусом контроля в производственной сфере ($R = -0,39$). Малая выраженность восприятия религии как образца моральных норм связана с низкой вероятностью проявления все тех же психопатических черт ($R = 0,32$) и с повышением интернальности в сфере здоровья ($R = -0,34$).

У девушек в структуре религиозности преобладают гносеологические корни религиозности и склонность к идеалистической философии; опора на внешние признаки религиозности, поиск в религии поддержки и утешения, вера в Творца и в существование магии ($X^2 = 29,8$; $T = 181,5$). Девушки верят в существование Творца и во влияние высших сил на судьбу человека и на его жизненные ситуации, задаются вопросами о смысле жизни и творения. Они наполняют свою жизнь необходимой, с их точки зрения, религиозной атрибутикой – носят крестик, читают молитвы, ставят свечи перед иконами и считают важным иметь иконы дома; воспринимают религию как поддерживающую их в трудные жизненные периоды. Девушки, по сравнению с юношами, в большей степени склонны верить в магические, чудесные и таинственные явления, непознанный мир, ведьм, «сглаз» и всевозможные приметы.

Личностные особенности девушек, как и юношей, характеризуются выраженностью у них шизоидных черт ($X^2 = 217,6$; $T = 143$) и высокой интернальностью в сфере межличностных отношений и семьи ($X^2 = 120,1$; $T = 118,5$). Однако характер взаимосвязей показателей религиозности с личностными чертами у девушек выявился иной, чем у юношей.

Вера в Творца, существование высшей силы и высшей справедливости, убежденность в предопределенности судьбы сильнее выражена у девушек с высоким уровнем внутреннего локуса контроля в области достижений ($R = 0,32$), которые считают себя ответственными за происходящие с ними события, устанавливают связь между собственными качествами и проявленными усилиями с результатами деятельности. Стремление к познанию с помощью религии у них связано с малой вероятностью проявления депрессивных ($R = -0,39$) и психопатических ($R = -0,42$) черт, с высокой выраженностью интернальности в области достижений ($R = 0,32$). Вера девушек в существование магии связана с низкой выраженностью проявления у них истерических ($R = -0,41$) и психопатических черт ($R = -0,41$), а склонность искать в религии поддержку и утешение связана с отсутствием депрессивных проявлений ($R = -0,32$) и интернальностью в сфере межличностных отношений ($R = 0,3$). В целом их можно охарактеризовать

как социально адекватных, жизнелюбивых, гибких в общении и несущих ответственность за результаты своего труда.

В результате исследования значимых различий в выраженности личностных свойств у юношей и девушек было выявлено, что юноши в большей степени проявляют склонность к искажению своих ответов в пользу их социальной желательности ($U = 587,5$), следовательно, нужно с осторожностью относиться к выводам, сформированным на основе данных, полученных в этой группе. Юноши в большей степени, по сравнению с девушками, проявляют интернальность в области неудач ($U = 679$), что означает их стремление брать на себя ответственность в случае недостижения поставленных ими целей и задач и самостоятельно разрешать возникшие проблемы на пути их достижения.

Для девушек в большей степени характерны проявления истерических ($U = 729,5$), паранояльных ($U = 441$), психастенических ($U = 645$), шизоидных ($U = 694,5$) и гипоманиакальных ($U = 673,5$) свойств личности. По сравнению с юношами они больше склонны к неврологическим защитным реакциям конверсионного типа и психосоматике, стремятся обращать на себя внимание и казаться значительнее, чем они есть в действительности, при этом зачастую игнорируют внешние сигналы, способные снизить их самооценку. Проявляя эгоцентризм, незрелость и поверхностность в контактах, они при этом способны хорошо приспосабливаться к различным людям и изменяющимся ситуациям. У них может проявляться склонность к формированию сверхценных идей и, в связи с этим, агрессивность и злопамятность; сочетание чувствительности и обидчивости с жалобами на недостатки окружающих, упрямство, житейский рационализм, выраженное чувство соперничества, прямолинейность. Наряду с этим имеет место тенденция избегать неудачи, проявляющаяся в высоком контроле своего поведения и попытках контролировать ситуацию и других людей, напряженности и повышенном внимании к отрицательным сигналам. Вместе с тем у испытуемых могут проявляться и другие черты – чрезмерная активность, большое количество и легкость возникновения планов и идей, которые часто не осуществляются в силу их повышенной отвлекаемости и переоценки своих возможностей, разнообразие интересов, стремление к широким и поверхностным контактам. Способность к восприятию абстрактных образов и тонкая чувствительность могут у них сочетаться с низкой эмоциональностью, холодностью и отчужденностью в межличностных отношениях.

Выводы. В структуре индивидуальной религиозности студентов технической специальности обоего пола преобладающими компонентами являются

вера в Творца, опора на гносеологические корни в формировании религиозного мировоззрения, восприятие религии как поддержки и утешения, ориентация на присутствие в своей жизни религиозных атрибутов – икон, крестов, чтение молитвы. Девушки, по сравнению с юношами, в значительно более высокой степени верят в существование магических явлений. Особенности взаимосвязей ведущих показателей религиозности с личностными свойствами характеризуются выраженной половой спецификой. Восприятие религии с позиции идеалистической философии у юношей связано с высокой выраженностью у них внутреннего локуса контроля, а у девушек – с малой вероятностью проявления психопатических черт личности. Вера в Творца у юношей связана с низкой интернальностью в сфере здоровья и области неудач, а у девушек – с высокой интернальностью в сфере достижений. Выраженные в большей степени у девушек, по сравнению с юношами, паранояльные, психастенические, шизоидные, гипоманиакальные и истерические черты, за исключением последних, не имеют связи с элементами структуры их индивидуальной религиозности. Вместе с тем, можно предположить, что у студенток вера в Творца и существование высшего смысла, магические явления обуславливают выраженную у них тенденцию проявлять ответственность в сферах достижения и межличностных отношений. А у юношей, верящих в существование Бога (Творца), наряду с выраженной интернальностью в сфере достижений проявляется тенденция в избеганию ответственности в области неудач и сфере здоровья, а также снижение веры в Бога по мере взросления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агузумцян Р. В., Хачатрян Н. Г. Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 1 (7). – С. 74–80.
2. Артёмьева О. А. Социальная биография русской духовной психологии (историко-психологический анализ) // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2011. – Вып. 1 (20). – С. 153–169.
3. Афанасенко И. В., Спивак Д. Л. Кросс-религиозное исследование структуры личности: предварительные результаты // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 г. Тезисы и выступления участников. – СПб.: Эйдос, 2013. – URL: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1567
4. Афанасенко И. В., Спивак Д. Л. Религиозно-психологические установки молодежи: гендерный аспект (на примере мусульман) // Вторая научная конференция Психотехники и измененные состояния сознания. 12–14 декабря 2013 г., Санкт-Петербург, РХГА – URL: <http://www.altstates.net/>
5. Афанасенко И. В., Шмыгленко А. А. К исследованию структуры индивидуальной религиозности: результаты пилотажного исследования // XVI Международная научно-практическая конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых «Психология и педагогика: современные вызовы и решения», 30.11.2013 г., Московский научный центр психологии и педагогики. – URL: <http://www.mcpps.ru/arhiv>
6. Груздев Н. В., Спивак Д. Л. Религиозно-психологические ориентации современных россиян и американцев: новые данные // Точки / Puncta. – 2004. – Т. 4. – № 3–4. – С. 274–284.
7. Карасева С. Г., Шкурова Е. В. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.
8. Мягков И. Ф., Щербатых Ю. В., Кравцова М. С. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 6. – С. 120–122.
9. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1997. – 576 с.
10. Спивак Д. Л., Захарчук А. Г., Павлов А. Е. и др. Религиозно-психологические аспекты старения: новые данные // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 104–110.
11. Spivak D., Gruzdev N. Core religious experiences in cross-religious research // Pluralisme et reconnaissance: Defis des particularismes et des minorites. – Paris: IIIT France, 2008. – С. 373–387.

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ ОФИЦИАНТОВ

Панина Е. А.

В статье излагаются результаты исследования операционального компонента конкурентной стратегии официантов. В качестве объекта исследования выступили 120 официантов г. Ростова-на-Дону. Представлены эмпирически выделенные типы конкурентных стратегий официантов: адаптивно-потребительская, «профессионально-карьерное плато», инновационная и ситуативная, а также ведущие цели конкуренции официантов. Раскрыто содержание операционального компонента каждого из типов конкурентной стратегии официантов с учетом характера их действий по отношению к конкуренту в конфликтных, типичных ситуациях и в ситуациях, связанных с особенностями эмоциональных состояний. Определено содержание операционального компонента каждого из типов конкурентной стратегии официантов в зависимости от их половой дифференциации.

Ключевые слова: операциональный компонент, конкурентная стратегия, официанты.

Потребность в квалифицированных официантах в современной России значительно возросла в связи с активным развитием сферы обслуживания. Профессия официанта имеет различные стереотипные представления в обществе (низко статусная, трудоемкая, физически изматывающая, «для студентов»), однако данная профессия предполагает реализацию собственной конкурентной стратегии у каждого официанта. Конкурентная стратегия официанта, нацеленная на достижение им преимуществ в деятельности, проявляется в наличии у него постоянных гостей и устойчивом качественном их обслуживании, лидерской позиции, уровне оплаты, демонстрации мастерства и статусе ресторана. Психологические исследования официантов сфокусировались на критериях профессиональной подготовки, образе идеального работника, взаимосвязи увлеченности работой и «профессионального выгорания», личностных детерминантах успешности, гендерных различиях в стиле обслуживания и «чаевых» [1, 8, 9, 10, 11]. Но исследованиям поведенческих проявлений конкурентной стратегии официантов не уделено должного внимания.

Под конкурентной стратегией (далее КС) личности в профессиональной деятельности мы понимаем процесс и результат ее мотивированной, целенаправленной активности, обеспечивающей преимущества в ее профессиональной деятельности на основе ее представлений о себе, о предмете и требованиях деятельности [2].

В результате проведенного эмпирического исследования нами были установлены четыре типа КС официантов: адаптивно-потребительский, «профессионально-карьерное плато», инновационный и ситуативный. Подробное описание процесса выделения типов КС официантов представлено в нашей предыдущей статье [2]. В качестве целей конкуренции на основе профессиограммы официанта и бесед с руководителями ресторанного бизнеса были установлены следующие цели конкуренции: Демонстрация индивидуального стиля деятельности, Качество и Надежность деятельности, Оклад и Чаевые, Лидерство и Лучшее место работы. Для каждого из эмпирически установленных типов КС определялись ведущие цели конкуренции официантов – мужчин и женщин: для адаптивно-потребительской КС – Демонстрация индивидуального стиля деятельности; для КС «профессионально-карьерное плато» – Материальные блага, для инновационной КС – Лидерство; для ситуативной КС – Лидерство и Лучшее место работы.

КС имеет сложное строение, которое включает в себя мотивационно-целевой, операциональный и когнитивный компоненты [3]. Мотивационно-целевой компонент включает мотивы конкуренции и мотивы профессиональной деятельности, сопряженные с целями конкуренции. Когнитивный компонент КС включает в себя представления субъектов о себе как официанте, о специфике предмета его

деятельности (обслуживаемый гость ресторана) и об особенностях социально-профессионального сообщества (руководитель, коллеги). Операциональный компонент КС включает в себя как целенаправленные действия, так и готовность к ним, необходимые для достижения в деятельности поставленных целей конкуренции. Анализ содержания операционального компонента КС может осуществляться только в соответствии с целями конкуренции, реализуемым по отношению к конкурентам.

Современные психологические исследования поведенческих проявлений (операционального компонента) КС преимущественно направлены на изучение конкурентоспособности как интегративной характеристики личности, которая определяется степенью соответствия личностных свойств и профессиональных знаний, умений и навыков конкретного специалиста объективным требованиям профессиональной деятельности и социально-экономическим условиям [4]. Иначе говоря, конкурентоспособность рассматривается как возможный потенциал личности, который может реализоваться в определенных действиях. Реальных исследований операционального компонента КС, тем более, исследований этого компонента у специалистов в сфере сервиса, в частности, официантов, явно недостаточно.

Целью настоящего исследования является установление содержания операционального компонента разных типов КС у официантов – мужчин и женщин. **Объектом** исследования выступили 120 официантов (83 женщины, 37 мужчин), работающих в ресторанах, кафе, барах и клубах г. Ростова-на-Дону. **Методы** исследования: анкетирование (авторская анкета С. Т. Джанерьян, Е. А. Панина), тестирование (методики «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана (типы эмоционального профиля), тест К. Томаса «Поведение в конфликте», «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла), методы непараметрической статистики (критерии Фридмана и Вилкоксона, коэффициент корреляции (r) Спирмена) и множественный линейный регрессионный анализ (R^2).

Исходя из определения операционального компонента КС, его содержание устанавливалось на основе связей между ведущими целями конкуренции, представлениями официантов об особенностях конкурентов и различными действиями официантов в адрес конкурентов. Последняя связь устанавливалась для каждого типа КС отдельно для мужчин и женщин на базе множественного линейного регрессионного анализа, где представления официанта о конкуренте выступали в качестве зависимой переменной, а действия официанта, составляющие содержание операционального компонента его

КС, – независимых переменных. Учитывался характер действий официантов в конфликтных ситуациях: сотрудничество, компромисс, избегание, соперничество и приспособление (тест «Поведение в конфликте» К. Томаса); в типичных ситуациях (16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла); в ситуациях, связанных с особенностями эмоциональных состояний: стеничность, астеничность (Эмоциональный профиль «Диагностики мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана).

Рассмотрим содержание операционального компонента каждого из типов КС официантов в зависимости от их пола.

Адаптивно-потребительская конкурентная стратегия. Ведущей целью конкуренции как для женщин, так и для мужчин, установлена Демонстрация индивидуального стиля деятельности. У женщин данная цель конкуренции направлена на «авторитарного» руководителя, у мужчин – на «альтруистичных» коллег.

В адрес «авторитарного» руководителя женщинами разворачивается поведение, которое характерно для женщин с низкими показателями фактора Q2 (16PF Q2-) и компромисса в ситуациях конфликта, с высокими показателями фактора G (16PF G+), приспособления и сотрудничества в конфликтных ситуациях и астеничности ($R^2 = 0,65$ при $p < 0,0004$). Ведущим поведением в содержании операционального компонента является зависимое от группы поведение (Q2). Иными словами, женщины, воспринимая руководителя как авторитарного, поведенчески проявляют несамостоятельность, следование за общественным мнением, зависимость от социального одобрения и безынициативность, достигая, таким образом, цели конкуренции – Демонстрация индивидуального стиля деятельности.

В адрес «альтруистичных» коллег мужчинами разворачивается поведение, характерное для мужчин с высокими показателями фактора Q2 (16PF Q2+), компромисса и приспособления в конфликтных ситуациях, стеничности и с низкими показателями соперничества в конфликтных ситуациях, фактора G (16 PF G-) и астеничности ($R^2 = 0,92$ при $p < 0,005$). Однако ведущим является их независимое от группы поведение (Q2). Иными словами, мужчины, воспринимая «альтруистичных» коллег, проявляют чрезмерную независимость, самостоятельность и противопоставляют себя социально-профессиональному сообществу и, таким образом, достигают цели конкуренции – Демонстрация собственного стиля деятельности.

Итак, как мужчины, так и женщины, разворачивающие данную КС, имея сходную цель конкуренции – Демонстрация индивидуального стиля – достигают ее за счет различных паттернов поведения. Женщины преимущественно «подчиняются» авторитарному

руководителю, а мужчины преимущественно «бунтуют» против альтруистичных коллег.

Конкурентная стратегия «профессионально-карьерное плато». Как у мужчин, так и у женщин ведущей целью конкуренции являются Материальные блага.

У женщин, реализующих данный тип КС, связь их цели конкуренции с их представлениями о конкурентах эмпирически не установлена; не выявлено также характерное поведение по отношению к конкурентам. Иными словами, женщины реализуют КС по отношению к коллегам и руководителям. Однако в целом преобладающим стилем поведения женщин в конфликте (критерий Фридмана) является компромисс; в ситуациях, связанных с особенностями эмоциональных состояний – как стенический, так и астенический типы поведения; в типичных ситуациях – добросовестность, ответственность, соблюдение моральных стандартов (16 PF G+), зависимость от группы, следование за общественным мнением (16 PF Q2-), импульсивность, низкий самоконтроль (16 PF Q3-).

У мужчин ведущая цель конкуренции сопряжена с их представлениями об «альтруистичных» коллегах. В адрес «альтруистичных» коллег развертывается поведение, характерное для мужчин с высокими показателями факторов Q2 (16PF Q2+) и Q3 (16PF Q2+), стеничности, соперничества в конфликтных ситуациях, с низкими показателями компромисса и избегания в конфликтных ситуациях и с низкими показателями соперничества ($R^2 = 0,99$ при $p < 0,0009$). Ведущим поведением выступает «соперничество» как способ поведения в конфликте. Иными словами, мужчины, оценивая коллег как «альтруистичных», соперничают с ними в конфликтных ситуациях, достигая, таким образом, цели конкуренции – Материальные блага.

Итак, для достижения материальных благ в ситуации конфликта мужчины «устраняют» альтруистичных коллег, а женщины находят компромисс, как с коллегами, так и руководителями.

Инновационная КС. Ведущей целью конкуренции является Лидерство, у женщин сопряженная с представлениями о себе как о «подчиненной», у мужчин – с представлениями о коллегах как «недружелюбных».

В случае, когда женщины оценивают себя как «подчиненных», у них преобладают высокие показатели фактора Q2 (16PF Q2+) и сотрудничества в конфликтных ситуациях, где последнее поведение является ведущим ($R^2 = 0,5$ при $p < 0,02$). Женщины, воспринимая себя «подчиненными» в ситуациях конфликта, находят альтернативы, удовлетворяющие их ролевые и личностные притязания.

В адрес «недружелюбных» коллег мужчинами развертывается поведение, характерное для муж-

чин с высокими показателями фактора Q3 (16PF Q3+), сотрудничества и избегания в конфликтных ситуациях, астеничности и стеничности и с низкими показателями фактора G (16PF G-), соперничества, компромисса и избегания в конфликтных ситуациях ($R^2=0,99$ $p<0,01$). Ведущим поведением выступает сотрудничество в ситуациях конфликта. Иными словами, мужчины, воспринимая коллег как «недружелюбных», в конфликтных ситуациях сотрудничают с ними, удовлетворяя интересы обеих сторон, и, таким образом, достигают цели конкуренции – Лидерство.

Итак, общей ведущей целью конкуренции как у мужчин, так и у женщин является Лидерство, достигаемая с помощью сотрудничества в конфликтных ситуациях. Однако мужчины сотрудничают с «недружелюбными» коллегами, а женщины «мирятся» с собственной профессиональной ролью «Я-подчиненная». Мужчины находят альтернативу, удовлетворяющую их собственные интересы и интересы недружелюбных коллег, а женщины – их ролевые и личностные притязания, достигая, таким образом, цели конкуренции – Лидерство.

Ситуативная конкурентная стратегия. Данный тип КС, как было установлено, развертывают женщины, стаж работы которых наименьший по сравнению со стажем работы женщин первых трех стратегий. Ведущими целями конкуренции женщин является как Лидерство по отношению к «дружелюбному» руководителю, так и Лучшее место работы по отношению к «эгоистичному» руководителю и «агрессивным» коллегам. В адрес «дружелюбного» руководителя развертывается поведение, которое характерно для женщин с высокими показателями фактора G (16PF G+), компромисса и приспособления в конфликтных ситуациях и низкими показателями избегания в конфликтах ($R^2 = 0,77$ при $p < 0,00005$). Ведущим поведением является компромисс в ситуациях конфликта. В адрес же «эгоистичного» руководителя развертывается поведение, присущее женщинам с высокими показателями сотрудничества, избегания и соперничества в ситуациях конфликта, где последнее поведение является ведущим ($R^2 = 0,81$ при $p < 0,00$). В адрес «агрессивных» коллег формируется поведение, характерное для женщин с низкими показателями факторов G и Q2 (16PF G-, Q2-) и с высокими показателями фактора Q3 (16PF Q3+), соперничества, компромисса и избегания в конфликтных ситуациях ($R^2 = 0,93$ при $p < 0,00$). Ведущим поведением является соперничество в конфликтных ситуациях. Иными словами, женщины идут на уступки в конфликтных ситуациях по отношению к «дружелюбному» руководителю, а добиваются своих интересов в ущерб конкуренту по отношению к «эгоистичному» руководителю и «агрессивным» коллегам. Таким образом, они добиваются Лидерства

и Лучшего места работы. Очевидно, что женщины, развертывающие данную КС, преимущественно не рассматривают сферу ресторанных услуг в качестве постоянного места работы, как в отдельном ресторане, так и в сфере сервиса в целом.

ВЫВОДЫ

1. Установлено содержание операционального компонента конкурентной стратегии у официантов в связи с типом конкурентной стратегии и полом официантов.
2. Различия в содержании операционального компонента каждого из типов конкурентной стратегии, исключая ситуативную КС, у официантов – мужчин и женщин – проявляются в содержании паттернов их поведения, связанных с типичными или конфликтными ситуациями, а также в актуализации (или развертывании) этих паттернов по отношению к тем или иным конкурентам.
3. Содержание операционального компонента ситуативной КС, развертываемой женщинами, различается в зависимости от восприятия этими женщинами руководителя как «агрессивного» или «дружелюбного».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Геворкян Г. Г.* Психологические детерминанты профессиональной успешности официантов как субъектов сферы услуг // *Известия ТРТУ. Серия «Педагогика и психология».* – 2006. – № 14. – С. 184–189.
2. *Джанерьян С. Т., Панина Е. А.* Ценностно-мотивационные основания типов конкурентных стратегий официантов // *Известия вузов: северо-кавказский регион. Серия: общественные науки.* – 2013. – № 5. – С. 97–103.
3. *Джанерьян С. Т., Панина Е. А.* Когнитивный компонент конкурентной стратегии официантов // *Российский психологический журнал.* – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 16–23.
4. *Митина Л. М.* Психология развития конкурентно-способной личности. – М., Воронеж, 2002.
5. *Панина Е. А.* Мотивационно-результатирующий компонент конкурентных стратегий официантов // *Северо-Кавказский психологический вестник.* – 2013. – № 11 / 3. – С. 13–16.
6. *Полунина О. В.* Увлеченность работой и профессиональное выгорание: особенности взаимосвязей // *Психологический журнал.* – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 78–85.
7. *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей конкурентов. – М., 2011.
8. *Элиарова Т. С.* Содержание и организация профессиональной подготовки специалистов для предприятий сферы гостеприимства: автореф. дис. канд. пед. наук. – М., 2001.
9. *Israeli A. A., Barclan R.* Developing a framework for rewards in combined productions / service businesses: the case in tipping in restaurant industry // *International Journal of Service Industry Management.* – 2004, Vol. 15, no. 5, p. 444.
10. *Elaine J. Hall* Waitering / waitressing: Engendering the Work of Table Servers // *Gender & Society.* – Sep 1, 1993, Vol. 7(3), p. 329.
11. *Mary B. Harris* Waiters, customers and service: some tips about tipping // *Journal of applied Social Psychology.* – 1995, Vol. 25, no. 8, p. 725–744.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Ращупкина Ю. В.

В статье выделены и описаны аспекты зрелости – акмеологический аспект, процессуально-стадиальный аспект, ресурсно-ситуативный аспект, видовой аспект, личностно-инструментальный аспект, методический аспект. На основе данных, сложившихся в каждом из аспектов представлений о личностной зрелости, выстраивается ее структура. Обозначены компоненты структуры личностной зрелости, такие как эмоционально-волевой, ценностно-мотивационный, рефлексивный и операциональный. Обобщены условия актуализации личностной зрелости. Рассмотрен жизненный выбор как одно из условий проявления личностной зрелости. Обозначены характеристики и признаки жизненных выборов личности. Обобщены критерии личностной зрелости.

На основе проведенного теоретического анализа показана необходимость рассмотрения феномена личностной зрелости, обозначены содержание и структуры личностной зрелости. Сделан вывод о психологических основаниях структуры личностной зрелости.

Ключевые слова: психологические основания, структура, зрелость, личностная зрелость, социальная зрелость, психологические аспекты, жизненный выбор.

Феномен личностной зрелости – сложное и неоднозначное явление. Анализ литературы показал, что в исследовании феномена личностной зрелости можно выделить различные аспекты: акмеологический, процессуально-стадиальный, ресурсно-ситуативный, видовой, личностно-инструментальный, методический.

В рамках акмеологического аспекта зрелость рассматривается как жизненный этап со сформированными знаниями, умениями, навыками в соответствии с принятыми в обществе возрастными нормами [2].

С позиции процессуально-стадиального аспекта зрелость обозначается как наиболее продолжительный период онтогенеза, наступающий с началом юности и характеризующийся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей личности [5, 7].

В рамках ресурсно-ситуативного аспекта зрелость понимается как определенное состояние, некий ресурс личности, находящийся в латентном состоянии до определенного момента, определенных условий и ситуаций, который заложен в личности изначально и который она стремится выразить [9].

Видовой аспект представлен многообразием различных форм и видов зрелости. Существование

обширного количества проявлений зрелости указывает на то, что зрелость – это сформированный комплекс развития той или иной системы организма человека или личности в целом [3].

Личностно-инструментальный аспект отражает тот факт, что зрелость – сложное по структуре и содержанию, многокомпонентное явление. Данный аспект позволил нам выделить список ценностей, способностей, индивидуально-личностных особенностей, характеризующих личностную зрелость [6, 7].

В рамках методического аспекта мы проанализировали работы, в которых экспериментально изучался феномен зрелости, и обнаружили, что экспериментальные исследования данного феномена были направлены на изучение личностной и социальной зрелости в период зрелости (взрослости), где преимущественно изучалась система ценностей.

Содержание сложившихся в каждом из аспектов представлений о личностной зрелости позволило нам определить ее структуру и обозначить ее компоненты, обобщить условия актуализации личностной зрелости, обсудить ее критерии. Многокомпонентная структура личностной зрелости, главным образом, выстраивается из понимания личностной зрелости в процессуально-стадиальном и личностно-

инструментальном аспектах, в которых рассматривается индивидуальное развитие личности, стремящейся к зрелости. Зрелость личности или личностная зрелость – это сформированная на данный момент система ценностей и мотивов, определенный уровень развития эмоционально-волевой и поведенческой сфер, развитое самосознание субъекта жизнедеятельности, проявляющееся в выраженности оценок, отношений, суждений личности к различным сторонам действительности [12].

В литературных источниках можно обнаружить различные формулировки определения феномена личностной зрелости. Существующие дефиниции содержательно отличаются друг от друга. На наш взгляд, личностная зрелость характеризует личность, которая одновременно связана с окружающей действительностью и относительно независима, реализует собственные мотивы и потребности, руководствуясь личностными или социальными ценностями. Личностная зрелость – это определенный уровень развития личности, которая характеризуется субъектностью, определенными характерологическими особенностями (эмоциональные и волевые качества) и специфическими личностными ценностями.

Анализ литературы показал, что существует исследовательская тенденция отождествлять личностную и социальную зрелости, однако социальная и личностная зрелость обладают дифференцированными признаками, такими как время наступления зрелости, наличие прав, которыми обладает личность, содержанием составляющих личностную зрелость.

Феномен социальной зрелости связывают с наступлением определенного возраста для личности и с определенными достижениями, соответствующими этому возрастному периоду (завершение образования, самоопределение – поступление в вуз), сформированностью установок, знаний, умений и навыков, этических качеств, позволяющие выполнять социальные роли взрослого члена общества [10]. Следовательно, наступление социальной зрелости приходится на стадию юношеского возраста, когда от личности ожидают совершение осознанных, обдуманных и полезных поступков.

Также социальную зрелость определяют как этап или результат социализации, этап развития личности, который характеризуется наличием у личности материальной независимости, определенным социальным положением, готовностью к браку и детям, гражданских прав и обязанностей (право голоса на выборах, сформированность убеждений и идеалов личности, жизненные планы – перспективы) [8].

Содержание социальной зрелости составляют гуманистические, альтруистические, социальные (общественные) и эстетические ценности, стремление к самораскрытию, трудовой самореализации.

Основная направленность, определяющая социальную зрелость – направленность на других, на взаимодействие с ними и на совместную деятельность.

Социально зрелая личность обладает высокой саморегуляцией и твердой волей, высокой адаптивностью к социальной среде и самоорганизованностью, социальной компетентностью, осознает предел своих возможностей, свой долг перед обществом. Характеризуется такими интегративными личностными свойствами, как субъектность, ответственность, самостоятельность, самодостаточность, свободомыслие, трудовая и социальная активность, целеустремленность.

Следовательно, структура социальной зрелости представлена взаимосвязанными компонентами – ценностно-мотивационным, эмоционально-волевым, операциональным и рефлексивным.

Условиями актуализации социальной зрелости являются проявление личностью организаторских способностей, лидерских качеств; ситуации, где требуется способность к пониманию других людей, предвидение (прогнозирование) развития различных социальных ситуаций (производство, создание семьи и т. д.). Таким образом, критериями установления социальной зрелости являются критерии социальной значимости для общества.

Наступление зрелости как личности, социального индивида во времени не совпадает и подобная гетерохронность зрелости сохраняется во всех формациях [1]. Эта неравномерность указывает на то, что наступление личностной и социальной зрелости не происходит одновременно, по мере роста и развития личность становится зрелой, осваивая и приобретая необходимые знания, умения, навыки, присущие той или иной стадии развития. О наступлении и определении той или иной зрелости исследователи судят по различным критериям.

Содержание личностной зрелости включает в себя специфические ценности и мотивы, особенности самосознания, эмоционально-волевой и поведенческой сфер. Структура личностной зрелости представлена такими же компонентами, что и социальная зрелость. Несмотря на сходство компонентов в структуре социальной и личностной зрелости, они имеют различную содержательную наполненность.

В иерархии ценностей личностной зрелости на первое место выходят личностные ценности (автономия, развитие, самоопределение), которые формируют мотивы личностной зрелости, проявляющиеся в стремлении самосовершенствоваться и самореализовываться. В личностной зрелости личностные ценности сопряжены с альтруистическими ценностями (межперсональные отношения, служение людям), что указывает на ориентированность не только на себя, но и на других.

Рефлексивный компонент личностной зрелости выражается в развитом самосознании социального индивида и умеренной рефлексии [4, 11]. Это говорит о том, что зрелая личность знает о своих возможностях и использует их, ценит свои достоинства и принимает свои недостатки. Эмоционально-волевой компонент личностной зрелости включает в себя эмоциональный интеллект, самоконтроль эмоций и поведения, эмоциональную устойчивость. Операциональный компонент личностной зрелости проявляется во внутренней саморегуляции, способности не зависеть от оценок и суждений окружающих; высокой социальной адаптированностью и произвольностью поведения.

Таким образом, феномен личностной зрелости – сложное многокомпонентное явление. Компоненты развиваются и могут достигать в своем развитии различных уровней сформированности. Следовательно, можно говорить о возможной типологии личностной зрелости, о том, что личность может быть личностно зрелой, осуществляя личностно значимые выборы, и проявлять инфантильность (незрелость), осуществляя другие.

Существующие эмпирические исследования ограничиваются в пользу какого-то одного или нескольких развившихся компонентов, отсюда и выделение отдельных видов зрелости – эмоциональная зрелость, интеллектуальная зрелость, профессиональная зрелость и т. д., что сужает круг изучения других компонентов, составляющих личностную зрелость.

На данный момент можно сформулировать основную проблему в исследовании личностной зрелости – проблему измерения личностной зрелости, ее экспериментального изучения и эмпирического познания.

В литературных источниках специфика ценностей, мотивов, характерологических особенностей зрелой личности преимущественно декларируются и рассматриваются в качестве критериев личностной зрелости. Авторы различных научных направлений приводят целые списки признаков и характеристик, определяющих сущность феномена личностной зрелости, дополняя и повторяя друг друга. Имеет место тенденция констатации и выделения признаков, которыми должна обладать зрелая личность. На основе полученных результатов авторы пополняют существующие классификации зрелости теми или иными видами и типами зрелости, присущими им особенностями. Однако простое перечисление признаков и характеристик зрелой личности не дает полного представления о личностной зрелости. Мы полагаем, что вопрос о степени выраженности признаков, о том, насколько и когда они должны проявляться в личности являются определяющим для понимания феномена личностной зрелости. Поэтому нам

представляется возможным говорить об умеренной выраженности признаков и характеристик, определяющих данное явление, и обнаружить те ситуации, которые актуализируют личностную зрелость.

Традиционно зрелость изучалась на этапе окончания обучения, когда личность самоопределялась по отношению к своему будущему, своей профессии. В исследованиях преимущественно принимали участие студенты-выпускники различных отраслей. Основными требованиями, предъявляемыми к личности в этот переломный (переходный) период, были ответственность, самостоятельность в принятии решения, саморазвитие и самореализация, которые обуславливали личностную зрелость студентов. Таким образом, первоначальные исследования феномена личностной зрелости базировались на изучении выбора профессии, будущей карьеры, где актуализировались признаки личностной зрелости.

Мы предполагаем, что личностная зрелость в наибольшей степени проявляется в жизненных выборах и ответственности за принятые решения, в отношениях с другими и самоотношении, специфической иерархии ценностей. Таким образом, критериями личностной зрелости выступают ценности, интегративные личностные качества и ситуации (например, фрустрации, кризиса, стрессовые ситуации), в которых личность определенным образом ведет себя, взаимодействует с другими.

Жизненный выбор является ключевым выбором для личности, определяющим ее судьбу, дальнейшее развитие жизненного пути. Выборы личности содержательно различаются и зависят от субъекта, который наделяет каждый выбор специфическими характеристиками, при этом объект выбора может быть схожим: выбор карьеры, выбор мотивов, выбор идеалов, выбор образа жизни, выбор жизненных перспектив (планы на будущее), выбор значимого другого. Любой жизненный выбор опосредуется жизненными (личностными) ценностями, принципами и убеждениями личности, которые влияют на него.

Несмотря на разнообразие жизненных выборов, можно обозначить универсальные, сквозные характеристики, присущие каждому выбору: осознанность или неосознанность, самостоятельность или несамоостоятельность, ответственность, субъектность, перспективность, соизмеримость с возможностями личности.

Однако выбор характеризуется и дифференцированными признаками, т. к. объект выбора разный. Жизненный выбор может быть направлен на себя – это выбор мотивов, идеалов, образа жизни, совершенствование себя; на других – выбор значимого другого (кто это, мужчина и женщина, ближайшее социальное окружение – к каким людям относится); на деятельность – выбор карьеры.

Изучая выборы, ученые обращают внимание на то, что на него влияет, исследуя систему ценностей личности, которая лежит в основе выбора. Таким образом, значимо то, что определяет выбор, какие характеристики личности влияют на него, а не то, какой сам выбор, каковы его определяющие характеристики. Именно особенности жизненного выбора зависят от структуры личностной зрелости, что позволяет предположить наличие определенной типологии личностной зрелости и незрелости.

Личностная и социальная зрелость – явления взаимосвязанные, обладающие как схожими, так и различными признаками, проявляющимися в том, что социальная зрелость фиксирована на юношеском возрасте, привязана к социальным достижениям и сфера ее направленности определяется гуманистическими и альтруистическими ценностями. Личностная зрелость направлена на себя, на саморазвитие и саморефлексию, ее содержание составляют личностные и альтруистические ценности. Оба феномена имеют четкую структуру, включающую компоненты, взаимосвязанные определенным образом. Компоненты личностной и социальной зрелости идентичны по своему названию, но отличны по содержанию. Разная выраженность компонентов в структуре зрелости позволяет выделить типологии личностной зрелости. Выделение отдельных видов зрелости (эмоциональная, интеллектуальная зрелость и т. д.) только доказывает, что нет идеала личностной зрелости, не может быть личности зрелой по всей компонентам.

Итак, в качестве психологических оснований, выделяемых исследователями для установления структуры личностной зрелости, можно выделить следующие:

- 1) часто употребляемые в литературе содержательно сходные сферы личности (ценностно-мотивационная, эмоционально-волевая), индивидуально-личностные особенности, которые являются центральными для диагностики зрелости;
- 2) соотнесение отдельных проявлений сфер личности с выдвинутыми исследователями условиями проявления зрелости;
- 3) структурный подход к рассмотрению личностных сфер в связи с личностной зрелостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1980.
2. *Бодалев А. А.* Вершины в развитии взрослого человека. – СПб.: Питер, 2007.
3. *Граненкова Е. С.* Психологическая зрелость как компонент готовности молодежи к семейной жизни // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 2. – № 4.
4. *Джанерьян С. Т.* Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский Психологический Журнал. – 2005. – Т. 2. – № 3. – С. 78–92.
5. *Калинина Р. Р.* Проблема личностной зрелости в педагогической деятельности // Вестник Псковского государственного университета. – 2010. – № 11. – С. 70–78.
6. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л. В. Трубициной и Д. А. Леонтьева. – М., 2002.
7. *Ращупкина Ю. В.* Зрелая личность: психологические подходы к исследованию // Северо-Кавказский Психологический Вестник. – 2013. – № 11 / 3. – С. 24–27.
8. *Савва Л. И., Солдатченко А. Л., Плотникова Е. Б., Рабина Е. И., Рязанова Л. С.* Социализация студентов в профессиональном образовании. Монография. – М.: Академия Естествознания, 2012.
9. *Эриксон Э.* Детство и общество. 2-е изд. – СПб.: Ленато, 2006.
10. *Якобсон П. М.* Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. – 1981. – № 4. – С. 141–149.
11. *Oyserman D.* Self-Concept and Identity // The Blackwell Handbook of Social Psychology. Intraindividual Processes / ed. By A. Tesser and N. Schwarz. – L.: Blackwell Publishings, 2003. P. 499–517.
12. *Steinberg L. E.* Maturity of judgment in adolescence: Psychosocial factors in adolescent decision making // Law and Human Behavior. – June 1996. – No. 3. pp. 249–272.

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ КОРЫ
МОЗГА У ИСПЫТУЕМЫХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ
ПРОДУКТИВНОСТИ ОБРАЗНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Карпова В. В.,
Дикая Л. А.**

В статье выделены условия для эффективного проведения исследования мозговых коррелятов образной творческой деятельности. Описана методика и процедура проведения эмпирического исследования особенностей функциональных связей коры мозга у художников и не художников с разным уровнем продуктивности образной творческой деятельности. В исследовании приняли участие 60 студентов в возрасте 18–23 лет. Для моделирования творческой деятельности использовали художественную технику монотипии. Особенности мозговых функциональных связей коры мозга во время выполнения образной творческой деятельности исследовали с помощью метода ЭЭГ.

На основе проведенного сравнительного анализа показано, что выполнение творческого задания испытуемыми с разным уровнем продуктивности сопровождается достоверными изменениями когерентности во всех частотных диапазонах. Сделан вывод о доминировании длинных внутрислоушарных когерентных связей в высокочастотных диапазонах у не художников на этапе решения задачи и коротких у художников.

Ключевые слова: образная деятельность, ЭЭГ, монотипия, когерентность, функциональные связи.

Деятельность художника – это свободная игра воображения с разнообразным материалом (чувствами, образами, словами, звуками, красками и пр.), целью которой – воздействие на эмоции и чувства человека. Чтобы понять особенности творческих способностей, необходимо выяснить, на какой основе и каким путем приходит человек к выбору того, что становится для него внутренней опорой для выполнения деятельности на творческом уровне.

Современные исследования творческой художественной деятельности проводятся преимущественно с помощью психологических методов. В последнее время возрос научный интерес к изучению психофизиологии творчества [1, 4, 5, 8, 11]. Понимание мозговых механизмов художественного творчества может иметь большое значение для широкого круга проблем. Их знание позволит управлять творческим процессом, развивать его, может способствовать развитию креативности у обычных людей.

Существует незначительное количество работ, в которых исследуются нейрофизиологические корреляты выполнения образных творческих заданий [3, 6, 9, 10]. В современных научных работах описаны результаты исследования особенностей мозговой активности при решении творческих задач с учетом пола испытуемых [2], уровня мотивации

к нахождению решения [7]. Однако в них не учитывается динамика мозговой активности на разных этапах творческого процесса. Также эффективность проведенных исследований могла быть выше, если бы они проводились на материале истинно творческих заданий.

Поэтому представляет интерес проведение психофизиологического исследования, в котором должны соблюдаться следующие условия:

- к работе следует привлечь испытуемых, как обладающих художественными умениями, так и без них;
- стимулы должны в максимальной мере создаваться самим испытуемым;
- в процессе выполнения задания участник исследования должен иметь возможность использовать те художественные материалы, которые являются для него привычными средствами самовыражения.

Целью проведенного эмпирического исследования стало изучение особенностей функциональных связей коры мозга у испытуемых с разным уровнем продуктивности образной творческой деятельности.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что художники и не художники

в зависимости от уровня продуктивности образной творческой деятельности характеризуются различными особенностями функциональной организации коры головного мозга.

В исследовании приняли участие студенты г. Ростова-на-Дону (60 человек), 18–23 лет, разделенные на две группы: художники (30 человек), не художники (30 человек).

Для моделирования образного творческой деятельности применяли художественную технику монотипии. Техника заключается в случайном отпечатывании красок на бумаге. Впоследствии из случайного отпечатка формируется композиция. Здесь не человек подстраивается под задание, а наоборот, задание преобразуется человеком в средство самовыражения. Работа с монотипиями позволяет находить решение задачи путем инсайта.

Во время эксперимента испытуемым предлагались 8 монотипий. Для обеспечения возможности выбора привычных или подходящих для реализации задуманной композиции средств исполнения, испытуемым были предложены разнообразные художественные материалы. На первом этапе исследования испытуемым предлагалось в одной из предложенных монотипий создать в своем воображении художественный образ. На втором этапе – продумать детали будущей композиции, найти выразительные средства для ее изображения.

При выполнении творческого задания у каждого из испытуемых регистрировали ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи электроэнцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком» (г. Таганрог) в 21 отведениях, расположенных по стандартной системе 10–20. Была использована монополярная схема с ушными референтными электродами.

Показатели ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии с открытыми глазами и на разных этапах решения невербальной творческой задачи.

1. На этапе подготовки, при попытке решить задачу сразу после предъявления монотипий («Без идеи»).
2. На этапе невозможности решить задачу («Фрустрация»).
3. На этапе решения задачи, непосредственно перед осознанием решения («До идеи»).
4. На этапе проверки найденного решения («После идеи»).

После окончания регистрации ЭЭГ испытуемым предлагалось нарисовать придуманную композицию на соответствующей монотипии.

Продуктивность выполнения творческого задания затем подвергалась анализу экспертов, в результате чего участники исследования были разделены на четыре группы:

- не художники с низким уровнем продуктивности (10 человек),
- не художники со средним уровнем продуктивности (20 человек),
- художники со средним уровнем продуктивности (12 человек),
- художники с высоким уровнем продуктивности (18 человек).

Анализировались отрезки ЭЭГ длительностью 10 секунд, не имеющие артефактов. Рассматривались когерентные связи биопотенциалов коры мозга между отведениями в диапазонах частот: дельта (0,5–4 Гц), тета 1 (4,0–6,0 Гц), тета 2 (6,0–8,0 Гц), альфа 1 (8,0–10,5 Гц), альфа 2 (10,5–13,0 Гц), бета (13,0–35,0 Гц).

На основе анализа работ, посвященных изучению особенностей когерентных связей у испытуемых при выполнении когнитивной деятельности, в нашем исследовании все когерентные связи между отведениями для каждого частотного диапазона были сгруппированы в 12 видов:

- внутрислоушарные коротко-дистантные (1 – передних отделах правого полушария, 2 – в передних отделах левого полушария, 3 – в задних отделах правого полушария, 4 – в задних отделах левого полушария);
- внутрислоушарные длинно-дистантные (5 – между передними и задними отделами правого полушария, 6 – между передними и задними отделами левого полушария);
- межполушарные между гомологичными отведениями (7 – между передними областями, 8 – между задними областями);
- межполушарные диагональные (9 – между передними отделами правого полушария и задними отделами левого, 10 – между передними отделами левого полушария и задними отделами правого);
- межполушарные между симметричными отведениями (11 – короткие и 12 – длинные).

Для статистической обработки данных применялся многофакторный дисперсионный анализ ANOVA / MANOVA и сравнительный post hoc-анализ по критерию Фишера. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 6.0.

На основе обобщения полученных данных и сопоставления их с данными других авторов в нашем исследовании получены следующие результаты.

1. В зависимости от уровня продуктивности результата деятельности и уровня художественной подготовки участники исследования на разных этапах творческого процесса характеризуются различными особенностями функциональной организации коры головного мозга.
2. У не художников с низким уровнем продуктивности во время выполнения творческой задачи

процесс осмысления содержания монотипии и подбор зрительных образов из долговременной памяти протекают независимо друг от друга, о чем свидетельствуют высокий уровень когерентности в коротких внутрислошарных связях и низкий уровень их взаимодействия в длинных внутрислошарных связях в дельта диапазоне.

3. При просмотре монотипий до формирования образа увеличивается сила когерентности в альфа 2 диапазоне во внутрислошарных связях правого полушария и снижается в левом ($p \leq 0,05$), что способствует решению задачи с помощью случайного формирования образов. На этом же этапе отмечается активация внимания, что отражается в сильных внутри- и межполушарных связях в тета 2 диапазоне. Наиболее высокая активация коры (увеличение альфа 1 ритма во внутрислошарных и межполушарных связях) и высокий уровень эмоционального напряжения (увеличение тета 1 ритма в межполушарных передних и симметричных связях) наблюдается у не художников с низким уровнем продуктивности результата образной деятельности на этапе фрустрации и сохраняется на остальных этапах творческого процесса (рис. 1).

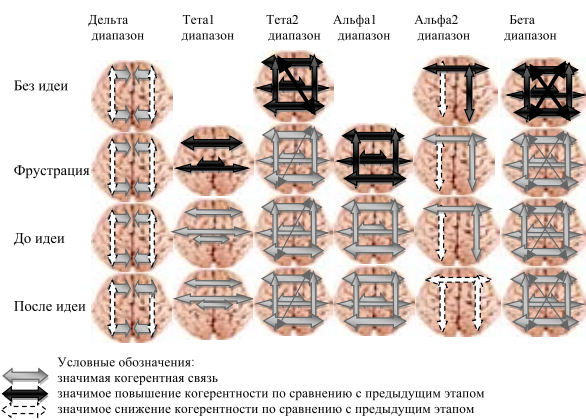

Рис. 1. Функциональные связи коры мозга у не художников с низким уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

Высокий уровень когерентности на всех этапах творческого процесса для группы не художников со средним уровнем креативности характерен в передних отделах левого полушария (альфа 2 диапазон), что связано с оценкой, анализом материала монотипий из которого необходимо создать собственную композицию. На этапе фрустрации в момент переживания невозможности решения задачи усиливается про-

цесс обработки и манипулирования информацией, о чем можно судить по сильным когерентным связям в длинных внутрислошарных взаимодействиях в дельта 1 диапазоне. Наибольший уровень эмоциональной реакции, что проявляется в усилении внутри- и межполушарных взаимодействий в тета 1 диапазоне, связан с этапом нахождения решения ($p \leq 0,05$) (рис. 2).

4. У художников со средним уровнем продуктивности этап просмотра монотипий связан с переносом внимания во внутренний план, проявлением чего на нейрофизиологическом уровне является снижение когерентности в передних отделах коры мозга в тета 2 диапазоне ($p \leq 0,05$). Процессы обработки и манипулирования информацией, связанной с решением творческой задачи, реализуются на этапе без идеи и этапе нахождения решения, отражением чего является усиление длинных внутрислошарных связей в дельта 1 диапазоне ($p \leq 0,05$) (рис. 3).

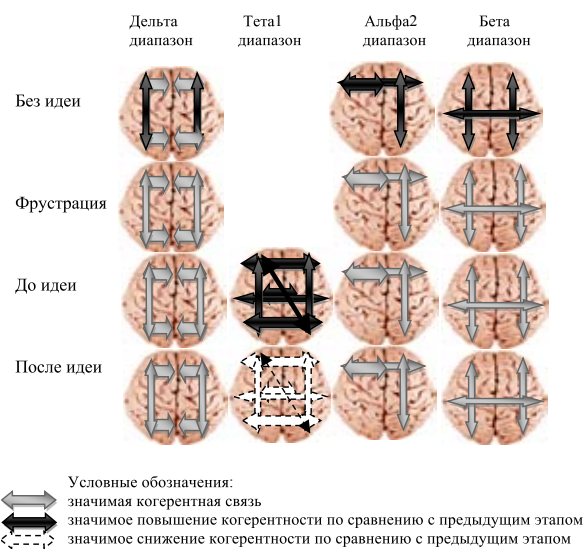

Рис. 2. Функциональные связи коры мозга у не художников со средним уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

На этапе фрустрации в данной группе испытуемых наблюдается снижение силы когерентности в передних отделах правого полушария в альфа 2 диапазоне. На этапе проверки найденного решения усиливаются короткие связи в передних отделах левого полушария в альфа 2 диапазоне ($p \leq 0,05$), что свидетельствует об анализе и оценке найденного образа (рис. 3).

5. Группа художников с высокими показателями продуктивности характеризуется постоянным высоким уровнем эмоциональной вовлеченности в выполнение задания (тета 1 диапазон).

Уровень активационного состояния коры (альфа 1 диапазон) одинаков на всех творческих этапах, однако ниже, чем у представителей других групп, у которых решение задачи связано с большими энергозатратами мозговой системы ($p \leq 0,05$).

На этапе просмотра монотипий выраженными являются длинные внутрислошарные связи (дельта 1 диапазон), реализующие процессы обработки и манипулирования информацией. На этапе нахождения решения усиливаются значения когерентности в коротких внутрислошарных и межполушарных связях (альфа 2 диапазон) ($p \leq 0,05$), что способствует интеграции спонтанной продукции образов и мысленному конструированию из них изображений. Выраженные короткие симметричные межполушарные связи на данном этапе свидетельствуют о возможности решения творческой задачи одновременно с помощью образного восприятия и дополнительного анализа, что может способствовать скорости, легкости и продуктивности выполнения творческой образной задачи художниками. Этап проверки найденного решения характеризуется снижением когерентных связей во всех исследуемых диапазонах (рис. 4).

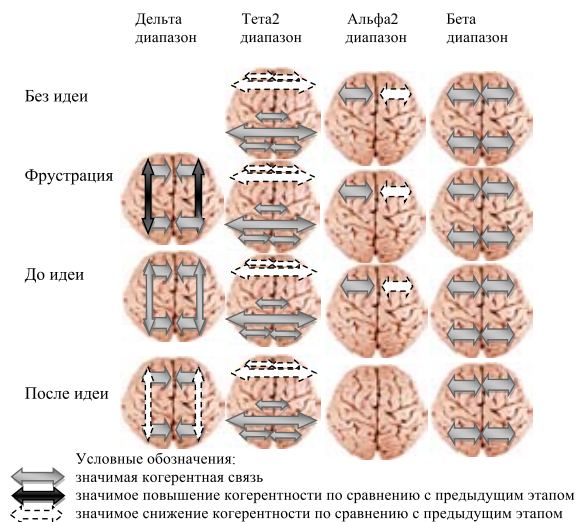

Рис. 3. Функциональные связи коры мозга у художников со средним уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования показано, что у не художников на этапе решения задачи в высокочастотных диапазонах преобладают длинные внутрислошарные, а у художников – короткие

внутри- и межполушарные связи (интеграция спонтанной продукции образов и мысленное конструирование из них изображений, а также возможность решения творческой задачи одновременно с помощью образного восприятия и дополнительного анализа), следовательно, эти функциональные связи формируются в результате профессиональной подготовки.

Общие закономерности функциональной организации коры выявлены и в группах с разной профессиональной подготовкой, но с одинаковым уровнем разработанности (продуктивности) выполненного задания, то есть показателя креативности. Схожие по силе и характеру проявления когерентные связи мы находим здесь в низкочастотных диапазонах – длинные внутрислошарные связи в дельта диапазоне, что создает предпосылки для эффективной обработки и манипулирования образной информацией; формирование этих функциональных особенностей связано с уровнем креативности испытуемых.

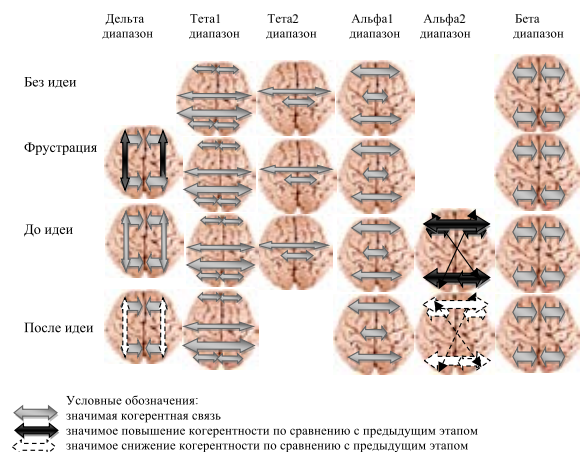

Рис. 4. Функциональные связи коры мозга у художников с высоким уровнем продуктивности результата образной деятельности на разных этапах решения творческой задачи ($p \leq 0,05$)

Полученные результаты могут быть использованы при подборе специфических методов обучения художников, направленных на активизацию областей мозга, ответственных за реализацию творческой деятельности, а также с целью профорientации, чтобы оценить психофизиологическую предрасположенность к художественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева Н. П., Нагорнова Ж. В. Динамика когерентности ЭЭГ при выполнении заданий на невер-

- бальную (образную) креативность // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 5. – С. 5–13.
2. Вольф Н. В., Тарасова И. В., Разумникова О. М. Половые различия в изменениях когерентности биопотенциалов коры мозга при образном творческом мышлении: связь с эффективностью деятельности // Журнал высшей нервной деятельности. – 2009. – Т. 59. – № 4. – С. 429–436.
 3. Дикая Л. А. Нейрофизиологические корреляты творческой деятельности при сочинении музыки у подростков // Новые исследования. – 2010. – № 1 (22). – С. 19–26.
 4. Дикая Л. А., Попова Л. В. День влюбленных в психологию (о работе V съезда РПО) // Российский психологический журнал. – 2012. – Т. 9. – № 1. – С. 12–16.
 5. Дикая Л. А., Шиварева С. Ю. Мозговая организация функциональных связей у лиц, занимающихся научной и литературной профессиональной деятельностью, при решении вербальных творческих задач // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2011. – № 9 / 1. – С. 18–21.
 6. Карпова В. В., Дикая Л. А. Динамика функциональной организации коры мозга в процессе творческой деятельности у учащихся с художественной одаренностью // Материалы XVI Международной конференции по нейрокибернетике. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. – Т. 1. – С. 370–372.
 7. Разумникова О. М., Вольф Н. В., Тарасова И. В. Влияние мотивации на изменения мощности биопотенциалов коры головного мозга при выполнении образных и вербальных творческих заданий // Журнал высшей нервной деятельности. – 2007. – Т. 57. – № 5. – С. 553–561.
 8. Свидерская Н. Е., Антонов А. Г., Бутнева Л. С. Сравнительный анализ пространственной организации ЭЭГ на моделях дивергентного и конвергентного невербального творчества // Журнал высшей нервной деятельности. – 2007. – Т. 57. – № 2. – С. 144–154.
 9. Свидерская Н. Е., Таратынова Г. В., Кожедуб Р. Г. ЭЭГ-корреляты изменения стратегии переработки информации при зрительном воображении // Журнал высшей нервной деятельности. – 2005. – Т. 55. – № 5. – С. 624–632.
 10. Dikaya L. A., Dikiy I. S. Brain correlates of composing major and minor music // International Journal of Psychology. 2012. V. 47, Supp.1. Special Issue: XXX International Congress of Psychology. – pp. 113.
 11. Dikaya L. A., Ermakov P. N., Dikiy I. S. EEG correlates of professional creative problem solving with insight // International journal of psychophysiology. 2012. V. 85, Issue 3. pp.379. doi:10.1016 / j.ijpsycho.2012.07.043.

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ И МИРЕ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Грачева Н. М.

В статье приводятся результаты эмпирического исследования смысложизненных ориентаций и представлений о себе и мире среди подростков выпускных классов. На основе полученных данных производится деление респондентов на три группы, даются их краткие характеристики с описанием возможных дальнейших перспектив развития.

Ключевые слова: картина мира, смысложизненные ориентации, старшеклассники, представления, смысловая сфера, осмысленность, цели и задачи, идентификация.

В рамках нашей работы по изучению особенностей субъективной картины мира было проведено исследование смысложизненных ориентаций и представлений о себе и мире у старшеклассников. В современных условиях становится актуальной проблема изучения социальной картины мира, как основы психологической регуляции социального поведения, а также индивидуальных механизмов ее формирования. При этом особое значение приобретает психологическое исследование индивидуального структурирования взаимоотношений человека и общества современной молодежью. Так как степень ее включенности или невключенности в общественные процессы во многом определяет и общую ситуацию в стране, при этом именно молодежь обычно более отчетливо проявляет новые взгляды в переломные для страны периоды.

У каждого человека, независимо от его возраста, имеются собственные представления о себе, своих способностях и возможностях. Безусловно, внутренние представления человека о себе оказывают сильное влияние и на его характер, и на его отношения с другими людьми, и на те цели, которые он перед собой ставит, и на то, каким способом он их достигает.

Если у взрослого человека многие представления переросли в убеждения и определяют их отношение к жизни в целом, то у детей и подростков представления находятся в процессе формирования и поэтому на них можно и нужно воздействовать. По большому счету, воспитание как раз и есть процесс формирования необходимых представлений о себе, окружающем мире и о том, как с ним взаимодействовать [1].

Проблема обретения смыслов в понимании себя и мира особенно актуальна в подростковом возрасте,

в связи с готовящимся переходом в «самостоятельную жизнь». То, как определяет для себя ребенок или подросток по мере взросления эти составляющие, т. е. какие цели ставит и достигает в жизни, какое дело ему по душе и какая мечта движет его устремлениями, – все это в целом и придает направление формированию его личности. Чем яснее определены и осознаны подростком его цели, дела и мечты, тем осмысленнее его развитие.

Смысловая сфера подростков характеризуется процессами формирования мировоззрения и активной воли, собственных смыслов и личных ценностей, становлением системы смысловой регуляции. В процессе осмысления мира у подростка появляется собственное независимое мнение, стремление самостоятельно принимать жизненно важные решения и нести ответственность за их осуществление. Подросток самоопределяется и происходит выработка особых смысловых стратегий в процессе познания и взаимодействия с окружающим миром.

По основной направленности, мировосприятию, жизненным целям и иерархии ценностей само мировосприятие может быть отнесено либо к отражающим конструктивные (позитивные) представления о себе и своей будущей жизни, мире, либо к неконструктивным (негативным) представлениям. Конструктивными мы считаем те представления подростков, которые характеризуются целостностью, придают им силы и наполняют стремлением к самореализации, гармоничному взаимодействию с окружающим миром и в частности с близкими людьми. Внутренний стержень, устойчивое видение себя и происходящего вокруг позволяет таким личностям сохранять равновесие и двигаться в направлении своей цели, несмотря на возможные трудности. Согласно исследованиям

последних десятилетий, которые мы изучали при подготовке к выполнению этой исследовательской работы, сформированность таких взглядов напрямую не связана с возрастом и встречается как у младших, так и старших школьников [1].

В исследовании приняли участие ученики 9–11 классов г. Ростова-на-Дону в количестве 93 человек (50 девушек, 43 юноши). Практическое исследование было проведено с помощью методики СЖО Д. А. Леонтьева, теста «Кто я?» Куна, модифицированного самоотчета «Мой мир: 20 из 80», методики «Незаконченные предложения» Д. Сакса, модифицированной для подростков [4, 6, 8].

Предварительный анализ результатов по шкалам теста СЖО показал, что среднестатистические показатели испытуемых по субшкалам теста СЖО входят в норму только у 37 % юношей и 32 % девушек. То есть общий показатель соответствует осмысленности жизни, что говорит об их способности жить настоящим, определять цели, которые придают осмысленность, направленность, временную перспективу, и получать удовлетворение от их достижения, уверенности в своих способностях добиваться результатов. По шкалам: почти все 16-тилетние девушки (85 %) показали норму по шкале «локус контроля Я» и 15-тилетние юноши (также 85 %) по шкале «локус контроля жизнь». В остальных возрастных группах нет столь же очевидной тенденции.

Результат ниже нормы по шкале «цели» в 27 % юношей и 16 % девушек говорит о тенденции жить сегодняшним или вчерашним днем. Выше нормы по этой шкале показали 25 % юношей и 30 % девушек, что говорит о целеустремленности в целом. Но при сочетании с другими параметрами может говорить о прожектерстве, т. е. ситуации, когда планы не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию. В нашем случае эта тенденция наблюдается у 80 % юношей (из получивших баллы выше нормы), больше в группе 15-тилетних, и 50 % девушек, причем больше в группе 17-тилетних, что как раз-таки можно связывать с переходным этапом и ожиданиями того, что их ждет после окончания школы. Конечно, этот результат можно оправдать юношеским максимализмом и мечтательностью, характерными чертами этого возраста. Проблема возникает, если эта тенденция начинает сказываться на неудовлетворенности реальной реализацией в настоящем. Дальнейший наш анализ показал, что эти проблемы есть. Исходя из результатов других методик, это происходит в ущерб реальным событиям и отношениям молодых людей.

По шкале «процесс жизни», результат по которой говорит об интересе и эмоциональной насыщенности жизни и наполненности ее смыслом, ниже нормы показали 34 % юношей и 14 % девушек. То есть в их

восприятии происходящего есть неудовлетворенность своей жизнью в настоящем. Выше нормы показали 18 % юношей и 36 % девушек. Результат в группе юношей и девушек практически противоположный, из чего можно заключить, что девушки более мечтательны и оптимистично смотрят на свою жизнь и происходящее, юноши же более практичны и менее удовлетворены происходящим.

Результаты по шкале «результат жизни» мы рассматривали как дополнительный в связи со спецификой возраста.

По шкале «локус контроля Я» ниже нормы результат получился среди 21 % юношей и 6 % девушек, что свидетельствует о неверии в свои силы контролировать события собственной жизни среди этих подростков. В 23 % случаев у юношей и 32 % у девушек наоборот – они видят себя в качестве сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами, и представлениями о ее смысле.

Результат по шкале «локус контроля жизнь» ниже нормы показали 23 % юношей и 10 % девушек, что свидетельствует об убежденности во том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее. Напротив, в 11 % у юношей и 24 % девушек (опять противоположный результат) присутствует убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно воплощать их в жизнь. Что согласуется с полученными выше результатами.

Очевидна разнонаправленность в плане осмысленности и удовлетворенности происходящим в жизни между группами юношей и девушек.

Анализ результатов теста «Кто Я?» выявил очевидные затруднения с половой идентификацией подростков: 18 из 50 девушек и 14 из 43 юношей отметили принадлежность к социальной группе соответственно женщин и мужчин напрямую. В ответах 1 молодого человека, и 2 девушек вообще данная характеристика отсутствует, без указания имени невозможно было бы идентифицировать пол отвечающего. В ответах остальных она присутствует косвенно через окончания и обозначение ролей. Наличие и прямого, и косвенного вариантов эмоционально-положительного обозначения своего пола говорит о сформированности позитивной половой идентичности, возможном многообразии ролевого поведения, принятии своей привлекательности как представителя пола, и позволяет делать благоприятный прогноз относительно успешности установления и поддержания партнерских взаимоотношений с другими людьми. Причиной отсутствия обозначения пола в самоидентификационных

характеристиках может быть либо несформированность целостного представления о полоролевом поведении на данный момент времени (недостаток рефлексии), либо неприятие своего статуса по тем или иным причинам, либо несформированность половой идентичности, наличие кризиса идентичности в целом. В нашем случае, судя по методике «Незаконченные предложения», речь идет о неприятии своего полоролевого статуса вследствие межролевых конфликтов в семье.

Успешность взаимодействия человека с окружающими предполагает относительную преимущество его прошлого, настоящего и будущего Я. Вопрос «Кто я?» в юности подразумевает оценку не только и не столько наличных черт, сколько перспектив и возможностей: кем я стану, что случится со мной в будущем, как и зачем мне жить?

Наличие идентификационных характеристик, соответствующих различным временным режимам (прошлое, настоящее и будущее), говорящих о временной интегрированности личности, встретились только в 3-х анкетах среди девушек и 5-ти – среди юношей. Будущее время в виде идентификационных характеристик, которые связаны с перспективами, пожеланиями, намерениями, мечтами, относящиеся к различным сферам жизни встретились в 36 % анкет девушек и 25 % анкет юношей. В основном присутствуют характеристики настоящего времени, говорящие об активности и сознательности действий в текущий момент.

Чаще всего респонденты давали характеристику себя как субъекта социальной системы (семья, общество), субъекта общения и деятельности, давая при этом качественные характеристики не всегда позитивные.

По результатам на основании выявленных особенностей, были выделены три группы.

Первая группа, для которой характерно наличие целей, удовлетворение самореализацией, способность ставить приоритеты, вера в способности добиваться результатов, активная жизненная позиция, направленность на принятие жизненных обстоятельств, положительная половая идентификация, ответственное отношение, четко прослеживается собственная позиция. Ее мы условно назвали «адекватное восприятие себя и мира», и в нее вошло 22 % девушек и 32,5 % юношей.

Второй группе характерно наличие ситуативных целей или их нечеткость, недостаточная уверенность в себе, неудовлетворенность настоящим при нацеленности на будущее, слабая дифференциация идентичности, в том числе половой, отсутствие собственной позиции. Ее мы условно назвали «в процессе самоопределения», и в нее вошло 60 % девушек и 41,9 % юношей.

В третью группу, получившую условное название «группа риска», вошли две категории респондентов. С одной стороны, те, кому характерны болезненная самокритичность, прожектерство (планы не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию), неудовлетворенность своей жизнью в настоящем при концентрации на прошлом и отсутствии положительных ожиданий от будущего, в большинстве случаев отсутствие прямой половой идентификации, негативное отношение к себе и миру (вплоть до радикальных высказываний). Например, такие описания, в которых будущее кажется «бессмысленным», «пустым», «жестоким», «мир устроен на лжи», он (мир) «не настоящий», наступит день когда «они заплатят за все», «я выскажу все и всем», мои одноклассники «через полгода для меня – никто», думаю я достаточно способен, чтобы «убить человека». С другой стороны, респонденты с прямой половой идентификацией, четкими представлениями и убеждениями на свой счет на фоне крайне негативного отношения к окружающему миру и его представителям обоих полов. Эту группу составили 18 % девушек и 25,6 % юношей.

Вот, к примеру, характеристики мира в котором живут по их представлениям подростки (см. табл. 1, 2). Уточним только, что работа с самоотчетом «Мой мир: 20 из 80» проходила в три этапа. На первом необходимо было из 80 характеристик выбрать 20 описывающих мир, в котором он живет. На втором этапе выбрать 5 самых главных характеристик, которые, по мнению подростка, подходят для описания мира, в котором он живет. На третьем этапе нужно было выбрать пять характеристик, которые описывали бы мир, в котором хотел бы жить. В табл. 1 и 2 мы приводим результаты первой и третьей групп по первым двум этапам задания. Результаты говорят сами за себя. В таблице мы приводим самые популярные характеристики.

Как видим, у юношей 3-ей группы представления об окружающем их мире довольно мрачные. У девушек, вошедших в третью группу, выражено менее мрачно, но это также имеет место.

В старшей школе существование большого количества неопределившихся, инфантильных или негативно направленных подростков является тревожным фактом, на который нельзя не обращать внимания ни родителям, ни педагогам, ни администрации школ.

Необходимо создать возможность перехода из одной группы в другую, основанную на динамике изменения представлений о себе и окружающем мире.

Таким образом, наше исследование подчеркивает значение осознания себя и своих индивидуальных смыслов, рефлексии своей картины мира и своего

места в нем в подростковом возрасте. Процесс объективации фрагментов собственной картины мира и работы с ними дает человеку возможность перевести в область осознания «проблемные зоны», прочувствовать их и в то же время «разотождествиться» с ними, переструктурировать и осуществить внутреннюю регуляцию своих представлений о действительности, изменить неконструктивные способы поведения [2].

Таблица 1

Характеристики мира, отмеченные юношами

Группа юношей	Общая характеристика мира, в котором живет	Главные 5 характеристик	Не встречались (в отличие от другой группы)
1 группа «Адекватное восприятие себя и мира»	большой интересный красивый меняющийся настоящий нужный особенный	интересный большой нужный живой меняющийся	альтруистический безнравственный запрещающий трагичный фальшивый
3 группа «Группа риска»	агрессивный интересный мрачный трудный грязный жесток большой	жесток агрессивный воинственный грязный несправедливый	бесмятежный безопасный восхитительный законный здоровый легкий неосознанный справедливый чистый

Таблица 2

Характеристики мира, отмеченные девушками

Группа девушек	Общая характеристика мира, в котором живет	Главные 5 характеристик	Не встречались (в отличие от другой группы)
1 группа «Адекватное восприятие себя и мира»	большой меняющийся живой запутанный увлекательный быстрый интересный	меняющийся интересный большой нужный живой	альтруистический запрещающий консервативный фальшивый
3 группа «Группа риска»	запутанный интересный меняющийся большой жесток	меняющийся увлекательный агрессивный жесток несправедливый	бесконечный вечный доступный искусственный

Уже само участие в исследовании открыло для самих подростков актуальность этой проблематики. И часть из них (группа 1) утвердилась в своих актуальных представлениях о себе и мире, для второй группы необходимо расширение представлений о себе и мире и своих возможностях самопроявления в мире. Для группы 3 необходимо проводить психокоррекционные тренинги, помогающие выстроить им адекватную их индивидуальным особенностям (часто нестандартным) картину мира. Речь, конечно же, не идет о подгонке их под единый стандарт, напротив, речь идет о гармоничном встраивании в социум, об осознании и раскрытии своего потенциала и возможности самореализации этих подростков. В противном случае есть опасность для представителей этой группы превратиться в бунтарей, которые как ограничивают свои индивидуальные возможности самореализации, так и могут явиться потенциальными разрушителями общественных норм и принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гובהва Е., Игнатова О. Психологический портрет поколения. – URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200700612>
2. Казачкова В. Г. Метод незаконченных предложений при изучении отношений личности // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 154–157.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд. – М.: Смысл; Академия, 2008. – 288 с.
4. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
5. Меркурьева Ю. В. Школьное образование в контексте кризиса техногенной цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. I, Вып. 4.
6. Правник Д. Ю. Гендерная специфика образа мира: дис. ... канд. психол. наук. – Петропавловск-Камчатский, 2007. – 268 с.
7. Субботский Е. В. Строящееся сознание. – М.: Смысл, 2007. – 423 с.
8. Тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Мак-Партленд; модификация Т. В. Румянцевой) // Т. В. Румянцева Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. – СПб., 2006. – С. 82–103.
9. Яценко Е. Ф., Яценко Э. В. Особенности смысложизненных ориентаций студентов с разным уровнем самоактуализации на завершающем этапе обучения в вузе // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 31. – С. 25–34.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

**Середина Н. В.,
Лазарева О. В.**

Статья посвящена изучению процесса адаптации студента-первокурсника к обучению в вузе как фактора социализации личности молодого человека. В свою очередь, социализация рассматривается как процесс становления системы установок и ценностей, которые выступают основой выработки стратегий поведения личности. В процессе обучения в вузе студент-первокурсник включен в процессы интегрирования в социальную группу, что предполагает принятие им групповых норм, ценностей, стандартов, стереотипов и требований. Так, личность приспосабливается к изменениям социальной среды путем подбора или перестройки стратегий поведения. Наличие того или иного уровня адаптированности является необходимым показателем эффективности реализации студента в ходе учебного процесса. Исходя из того, что пусковым механизмом процесса адаптации человека является смена окружающей его среды, при которой привычное для него поведение оказывается малоэффективным или вообще неэффективным, для студента-первокурсника необходимость в преодолении затруднений, связанных именно с новизной условий трудной жизненной ситуации

Итак, личность, ее жизненная ситуация и (главное) взаимодействие между личностью и ситуацией – определяют особенности адаптации студентов первого курса к обучению в вузе. Именно поэтому в условиях конкретного вуза должна проводиться практическая социальная работа (социальная терапия) в рамках Службы социально-психологической адаптации, которая имеет дело и с социальным, и с психологическим аспектом ситуации. Работа с первокурсниками может быть направлена как на преобразование внутреннего мира личности, так и на изменение его социальной ситуации обучения, а также на преобразование взаимодействия между ними.

Ключевые слова: личность, адаптация, дезадаптация, адаптивность, неадаптивность, адаптированность, трудная жизненная ситуация.

Социально-экономические преобразования, накопление новых знаний в различных отраслях науки, стремительная информатизация общества – все это породило новые требования к человеку: не только сосуществовать с окружающей средой, но и реализовывать свой внутренний потенциал в ней.

Одной из важнейших психологических задач является активная работа со студентами первого курса, направленная на успешную адаптацию к новой системе обучения, социальным отношениям, социальной роли студента.

По нашему мнению, адаптация студента-первокурсника – элемент процесса социализации и его главный механизм.

В этом смысле социализация молодого человека представлена как период изменений в системе его

нормативных и ролевых ожиданий. Это процесс усвоения индивидом навыков, необходимых для эффективного взаимодействия в рамках новой социальной среды, которая предлагает спектр особых адаптивных ситуаций. При этом адаптационный процесс затрагивает все элементы личностной структуры студента-первокурсника.

В этот период заканчивается формирование фундамента личности, достраиваются ее верхние – мировоззренческие этажи. Осознание своего Я происходит как «отвоевывание» своего места в конкретном пространстве, что нередко сопровождается переживанием кризиса и поиска смысла жизни.

Трудность жизненной ситуации студента-первокурсника может быть вызвана:

- несовпадением между высоким уровнем притязаний и низким социальным статусом, который задан возрастом;
- несовпадением между стилем общения в родительской семье и необходимостью взаимодействия с преподавателями и сотрудниками вуза;
- противоречием между усилившейся ориентацией на самостоятельность и зависимостью от мнения сверстников.

Именно поэтому возникает необходимость в целостной системе мониторинга личностных, социально-психологических и ситуационных свойств как базиса формирования адаптационных стратегий поведения студентов-первокурсников.

Цель такого мониторинга – формирование «эффективной личности студента» посредством управления процессом адаптации как основного механизма социализации личности.

Социально-психологическая адаптация личности – это процесс вхождения личности в систему психологических связей и отношений, возникающих в контактной социальной среде жизни и деятельности индивида, поэтому социально-психологическая адаптация личности может выступать как аспект производственной, так и социальной адаптации. Но одновременно это и самостоятельный процесс, происходящий в системе товарищеских, дружеских взаимоотношений людей.

С адаптацией тесно связано и другое понятие – дезадаптация.

Под дезадаптацией большинство авторов понимают временную и в принципе восстанавливаемую утрату ранее имеющейся адаптации. Проявление дезадаптации можно наблюдать в виде заострения акцентированных черт и невротических явлений; социально-психологической – в виде неудовлетворенности ситуацией и своим положением в ней, затруднения микросоциального взаимодействия и возрастания уровня тревоги; психофизиологической – в виде нарушения соматического здоровья (Ф. Б. Березин, 1988; Ю. А. Александровский, 1991).

Итак, мы полагаем, что адаптация представляет собой многоуровневый процесс приспособления организма к новым условиям среды, реализующийся за счет специфических и неспецифических механизмов по всему спектру личностной структуры человека.

В свою очередь, способность личности проявлять / не проявлять способность к выработке эффективных стратегий поведения называется адаптивностью / неадаптивностью.

Адаптивность / неадаптивность – тенденции функционирования целеустремленной системы (человека), определяемые соответствием или несоответствием ее целей достигаемым в ходе деятельности

результатов. Адаптивность выражается в их согласованности, а неадаптивность – в рассогласовании.

Неадаптивность может говорить также о том, что цель и результат противоречат друг другу. Тогда какой-то из этих элементов нуждается в коррекции. Так, недостижение цели побуждает продолжать деятельность в заданном направлении. Если же результат богаче исходных целей, это стимулирует человека выдвигать новые эталоны поведения.

В процессе адаптации достигается определенное состояние личности – адаптированность как результат, итог процесса адаптации; качественные и количественные характеристики процесса адаптации как состояния в данный момент (А. Ж. Юрьевец, В. С. Аверьянов, О. В. Виноградова, 1993).

По нашему мнению, достижение определенного уровня адаптированности зависит от того, какие стратегии адаптивного поведения выбирает человек в ситуации взаимодействия с окружающей средой и как эти стратегии сочетаются между собой. Так, Н. Н. Мельникова называет следующие стратегии адаптивного поведения:

- активное изменение среды;
- активное изменение себя;
- уход из среды и поиск новой;
- уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир;
- пассивная репрезентация себя; – пассивное подчинение условиям среды;
- пассивное выжидание внешних изменений;
- пассивное ожидание внутренних изменений [8].

Наибольший адаптивный эффект, отражающий высокий уровень адаптированности, дает сочетание стратегий, направленных на активное и одновременное изменение себя и окружающей среды.

К умеренному результату адаптации приводит внешнее приспособление субъекта обучения к образовательной среде, не вызывающее внутриличностных изменений, посредством ухода из среды или же выжидания внешних и внутриличностных изменений.

Низкий уровень адаптированности, связанный с выраженным негативным эффектом в адаптации, проявляется в отказе субъекта от взаимодействия с внешним окружением и в погружении в свой внутренний мир.

Можно выделить две группы адаптогенных факторов, определяющих адаптацию / дезадаптацию личности:

- внешние: условия жизнедеятельности человека (природные, социокультурные, социально-экономические, социально-психологические (в том числе, особенности личности, мотивацию, удовлетворенность ситуацией выбранной профессией и специальностью), психофизиологические, технологические, социальные) (Ц. П. Короленко, 1978;

И. А. Жданов, 1991; А. Ж. Юрьевец, В. С. Аверьянов, О. В. Виноградова, 1993).

- внутренние: физиологические и психические характеристики, свойства нервной системы, особенности нервных процессов (познавательные процессы – свойства восприятия, внимания, психические состояния – напряженность, утомление, монотония, фрустрация, тревожность, страх).

Под внутренними факторами, как считают некоторые авторы (О. В. Виноградова и др., 1993), необходимо иметь в виду состояние функций и процессов морфофункциональной структуры человека, формирующих функциональную систему, для выполнения деятельности.

Так, В. И. Медведев (1982), выделяет пять таких процессов: энергетические, сенсорные, операционные, эффорные, активационные процессы обеспечения деятельности и адаптации [7].

Таким образом, в качестве особенностей адаптационного процесса, следует выделить типы, которые формируются в зависимости от структуры потребностей и мотивов индивида:

- 1) *тип активный, характеризуется преобладанием активного воздействия на среду социальную;*
- 2) *тип пассивный определяется пассивным, конформным принятием целей и ориентации ценностных группы.*

В процессе обучения в вузе студент-первокурсник включен в процессы интегрирования в социальную группу, что предполагает принятие им групповых норм, ценностей, стандартов, стереотипов и требований. Так, личность приспосабливается к изменениям социальной среды путем подбора или перестройки стратегий поведения.

Пусковым механизмом процесса адаптации человека является смена окружающей его среды, при которой привычное для него поведение оказывается малоэффективным или вообще неэффективным, что порождает необходимость в преодолении затруднений, связанных именно с новизной условий.

Так, например, критерий оптимального соответствия личности условиям изменяющейся социальной среды был использован Д. В. Колесовым для построения модели стадийности адаптационного процесса.

1. Уравновешивание – установление равновесия между средой и индивидом с проявлением взаимной терпимости к системе ценностей и стереотипам поведения.
2. Псевдоадаптация – сочетание внешней приспособленности к обстановке с отрицательным отношением к ее нормам и требованиям.
3. Приноравливание – признание и принятие основных ценностей новой среды.

4. Уподобление – психическая переориентация индивида, трансформация прежних взглядов, ориентации, установок.

При этом описанные стадии могут накладываться друг на друга или взаимозаменяться [5].

Учитывая факт, что пусковым механизмом адаптационной перестройки организма является попадание в непривычные для него, стрессовые условия («измененные», «неадекватные», «сложные» условия существования), представляется необходимым рассмотреть представления о стрессовой, *трудной жизненной ситуации*.

Ситуация – результат активного взаимодействия личности и сред, система объективных и субъективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельности субъекта в определенный временной период.

Объективные элементы ситуации – это ее временные и пространственные параметры, те «действующие лица», которые находятся в этом пространстве и в это время, осуществляемая ими деятельность.

К субъективным элементам ситуации относятся межличностные отношения, социально-психологический климат в малой группе, групповые нормы, ценности, стереотипы сознания, личностные особенности человека.

Четкое определение и формирование адекватной ситуации для обучения студентов-первокурсников дает возможность прогнозирования их поведения в данный отрезок времени.

Итак, личность, ее жизненная ситуация и (главное) взаимодействие между личностью и ситуацией – определяют особенности адаптации студентов первого курса к обучению в вузе.

В условиях конкретного вуза практическая социальная работа (социальная терапия) в рамках Службы социально-психологической адаптации имеет дело и с социальным, и с психологическим аспектом ситуации. Помощь может быть направлена как на преобразование внутреннего мира личности, так и на изменение его социальной ситуации обучения, а также на преобразование взаимодействия между ними.

Соответственно, социальная работа предполагает два типа возможных воздействий (интервенций): изменение личности или средовых факторов. Целью такой помощи и ее результатом становится *изменение образа мира человека*, а также стратегий и тактик его поведения, т. е. обретение социальной компетентности.

Такие исследователи, как Г. Бернлер и Л. Юнссон называют этот вариант социально-психологической работы «изменением среды и общества внутри самого индивида». Они считают, что такая работа обеспечивает эффективную адаптацию человека к условиям

жизни и профессиональной деятельности, помогает ему повысить сопротивляемость неблагоприятным условиям социального окружения [2].

Сам характер обучения в вузе говорит о трудной для бывшего школьника жизненной ситуации, когда внешние по отношению к нему изменения в социальной среде *нарушают или угрожают нарушить* его деятельность, отношения со значимыми людьми, привычный для него образ жизни в целом. Под влиянием этих нарушений возникает рассогласование между внешним миром и миром внутренним (образом мира), а достигнутая молодым человеком адаптация к жизни утрачивает свою эффективность, перестает «работать».

Адаптация студентов к учебному процессу (по данным изучения регуляторной функции психики) заканчивается в конце 2-го – начале 3-го учебного семестра.

По словам Э. Шпрангера, период раннего студенчества характеризуется тем, что на первый план выступает «кризис оторванности», чувство одиночества, которые во многом определяют особенности эмоциональных состояний: склонность к крайним эмоциональным переживаниям, негативный эмоциональный фон, подавленность и отношение к актуальной ситуации как к ТЖС – трудной жизненной ситуации [11].

Особенность трудной жизненной ситуации (ТЖС) состоит в том, что эта ситуация нарушает привычный для человека образ жизни, ставит его перед необходимостью оценить внешние и внутренние аспекты ситуации с учетом содержательных признаков и определить возможность преобразования ситуации. А затем выбрать или принципиально новые стратегии поведения и деятельности, или новые основания жизни и способы согласования своих отношений с собой, другими людьми, миром в целом.

Именно поэтому тренировка эмоциональных аспектов приспособления к среде является неотъемлемой частью процесса формирования личности студента-первокурсника.

В свою очередь, главным условием эффективности процесса адаптации студентов-первокурсников, является «формирующее управление» этим процессом со стороны заместителя директора (проректора) по воспитательной работе, руководителя службы социально-психологической адаптации студентов к обучению, преподавателей и кураторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфиногенова О. И.* Особенности адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в университете // Новые исследования. – 2011. – Т. 1. – № 26. – С. 55–59.
2. *Бернлер Г., Юнссон Л.* Теория социально-психологической работы, пер. со швед. – М., 1992.
3. *Гингель Е.* Диалог как фактор адаптации первокурсников // Высшее образование в России. – 2007. – № 9. – С. 158–160.
4. *Зарипов Р. Н., Зарипова И. Р.* Адаптация студентов в технологическом вузе: психолого-педагогический аспект // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 24. – С. 236–242.
5. *Колесов Д. В.* Адаптация организма подростков к учебным нагрузкам. – М., 1987. – 176 с.
6. *Литвинова Н. А., Казин Э. М., Лурье С. Б., Булатова О. В.* Роль индивидуальных психофизиологических особенностей в адаптации к умственной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 141–147.
7. *Медведев В. И.* О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. – Л., 1984. – С. 3–16.
8. *Мельникова Н. Н.* Диагностика социально-психологической адаптации личности. Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
9. *Толстых Ю. И.* Критерии оценки успешности адаптации студентов-первокурсников в вузе // Известия ВУЗ. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 137–142.
10. *Чикина Т.* Учебно-профессиональная адаптация первокурсников // Высшее образование в России. – 2007. – № 12. – С. 137–140.
11. *Шпрангер Э.* Психология личности. Тексты. – М., 1982.
12. *Hall C. S., Lindsey G.* Theories of Personality. – New York: John Wiley and Sons, 1970.

Dudnikova A. A.
**Alternative positioning within different
 psychological approaches**

This article discusses alternative positioning with regard to different psychological directions. In the framework of social psychology, alternatives considered, as the conflict. From the point of view of psychological – pedagogical approach, alternative positioning can be seen in the framework of creativity. In the framework of the promotional activities alternative positioning is the technology impact on the value field, as an aspect attract attention and arouse emotional attitude. Alternative from the position of its extreme forms, is treated as categorical thinking and stands out as a personality pathology.

Keywords: *alternative positioning, conflict, creativity, emotional sphere, accent of the person, categorical thinking, schizophrenia.*

REFERENCES

1. Vilunas V. K. *Psihologija emocionalnih iavlenii* [Psychology emotional phenomena]. Moscow, MSU Publ., 1976. 143 p.
2. Hrishina N. V. *Psihologija konflikta* [Century Psychology of the conflict]. SPb., 2000. 193 p.
3. Zablockii G. O. Kommunikativnie osnovi garmonizatsii lichnosti podrostka s akcentuatsiei haraktera [Communicative basis of harmonization of the personality of the teenager with the accentuation of nature]. *Voprosi sovremennoi nauki i praktiki. Universitet imeni V. I. Vernadskogo – Problems of contemporary science and practice. University. V. I. Vernadsky*, 2010, no. 7–9, pp. 116–123.
4. Ilin E. P. *Psihologija tvorchestva, kreativnosti, odarenosti* [Psychology of creativity, talent]. SPb., Piter Publ., 2012.
5. Lichko A. E. *Psihopatii i akcentuatsii haraktera u podrostkov* [Psychopathy and character accentuations in adolescents]. Leningrad, Medicine Publ., 1983.
6. Nagieva O. V. Analis vliiania osnovnih component cennostno-normativnih system na konfliktnost malih grup [Analysis of the impact of major component normative systems for conflicts of small groups]. *Chelovecheskii factor: problemi psihologii i ergonomiki – The Human factor: the problems of psychology and ergonomics*, 2006, no. 2, pp. 59–60.
7. Nozdrenko E. A. Kreativnoe mishlenie v reklamnoi kommunikatsii: kulturologicheskii aspekt [Creative thinking in advertising communication: the cultural aspects]. *Jurnal sibirskogo federalnogo universiteta. Seria: gumanitarnie nauki – Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2010, Vol. 3, no. 4, pp. 609.
8. Pusep L. V. Kreativnost kak odna is karakteristik lichnosti budushego pedagoga [Creativity as one of the characteristics of the personality of a future

educator]. *Omskii nauchnii vestnik – Omsk scientific Bulletin*, 2007, no. 4–56, pp. 115–117.

9. Senko E. V. Osobennosti klinicheskoi kartini pozdno diagnostiruyemoi vialotekushei shisofrenii v zavisimosti ot vozrasta nachala zabolevania [Clinical Features later diagnosed schizophrenia low depending on the age of onset]. *Sibirskii medicinskii journal (Irkutsk) – Siberian medical journal (Irkutsk)*, 2009, no. 7, pp. 125–128.
10. Tunik E. E. *Test E. Torrensa. Diagnostika kreativnosti. Metodicheskoe rykovodstvo* [Test E. Torrens. Diagnosis of creativity. Methodological guidance]. SPb., Imaton Publ., 1998.
11. Chesnokov I. I. *Problemi samosoznania v psihologii* [Problems of self-awareness in psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 144 p.

Vorontsov D. V.
**Gender ideology and sexual attitudes
 as hiv vulnerability factors of students' sexual
 behaviour in rostov region**

The article describes the influence of gender ideology on HIV vulnerability of youth's sexual behavior. It is asserted the problem of modeling safer sexual behavior is not to be focused only onto personal traits and characteristics but the change of state policy in gender ideology of Russia is the topic of concern. This idea is grounded on the empirical evidence obtained in the research of correlations among commitments to the definite pole of gender ideology (patriarchate or feminist), sexual attitudes (dominance, coercion, anonymity, love and sex adhesion etc.), gender relations and gender personality biases. It is concluded the relevance of feminist propaganda among male students and struggle with patriarchate attitudes in female students to improve the HIV prevention.

Keywords: *gender ideology, gender relations, sexuality, sexual attitudes, HIV prevention, HIV risky behavior.*

REFERENCES

1. Pokrovsky V. V., Ladnaya N. N., Sokolova E. V., Buravtsova E. V. *VICH-infekciya: informacionnij bulletin no. 38* [HIV-infection: Information Bulletin no. 38]. Moscow, 2013. 52 p.
2. Toshchenko Z. T. *Kentavr-problema: opit filosofskogo i sociologicheskogo analiza* [Centaur-problem: The experience philosophical and sociological analysis]. Moscow, Novy chronograf Publ., 2011. 172 p.
3. Foucault M. *The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction* / Transl. from the French by R. Hurley. Penguin Books, 1987. 168 p.
4. Piot P., Bartos M., Larson H., Zewdie D., Mane P. Coming to terms with complexity: a call to action for HIV prevention. *The Lancet*, 2008, no. 372, pp. 845–859.

Kolomiychenko E. V.
Features gender typology in boys and girls,
enclosed to the sport and not enclosed
to the sport and Physical Culture

In this article the necessity of analyzing gender identity in relation to the respondents youth and early young age due to the formation and development of self-image, namely, I-physical and I-aesthetic. Hypothesized that, in connection with the "intermingled" or "not the communion of" physical culture and sport defined gender identity is formed, which influences the formation of the major components of self-image in adolescence and the development of ideas about the physical and I-I-aesthetic in young age. Describes the research methodology of gender identity of the young respondents – author profile and technique S.Bem. The object of investigation made by boys and girls aged 18 to 25 years old in many ways related to physical culture and sport, only 45 people.

On the basis of the comparative analysis shows gender characteristics of boys and girls, "intermingled" and "not intermingled" in physical education and sport, in a typical "female" and typical "male" sports.

Keywords: gender, self-image, I-physical, I-aesthetic, self-image, introduction to the sport, not the communion of the sport.

REFERENSES

1. Vorontsov D. V. Gendernie issledovaniya v sotsial'noi psichologii: granitsi polia [Gender research in social psychology: the boundaries of the field] – *Rossiyskiy Psichologicheskiy Zhurnal – Russian psychological journal*, 2009, Vol. 6, no. 2, pp. 9–19.
2. Gorskaja G. B., Bondarenko N. A., Zernova T. N. *Polorolevie stereotipi kak reguliatori samopriniatia cheloveka v kachestve sub'ekta dejatel'nosti. Psichologicheskie problem samorealizatsii lichnosti* [Sex-role stereotypes as regulators of self- human subjects activities. Psychological problems of self-identity]. Krasnodar, 2000, pp. 57–72.
3. Damadaeva A. S. Vliyaniye zaniatiy sportom na gendernie karakteristiki lichnosti genshin. [Influence of gender on the sports personality characteristics of women]. *Uchenie zapisky universiteta imeni P. F. Lesgafta – Proceedings of University of PF Lesgafta*, 2010, no. 3 (61), pp. 45–47
4. Damadaeva A. S., Shahov S. K. Gendernie aspekti psichologicheskogo soprovogdeniya sportsmenov [Gender aspects of psychological support athletes]. – *Izvestia dagestanskogo gosudarsvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psichologo-pedagogicheskie nauki. – Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Psycho-pedagogical science*. Mahachkala: DGPU Publ., 2011, pp. 23–26.
5. Lyakh B. Psichologicheskie problem unoscheskogo sporta v stranach zapadnoy Evropi [Psychological

problems of youth sports in western Europe]. *Materialy mezhdunarodnogo foruma "Molodezh'-Nauka-Olimpizm" – Materials of International Forum "Youth -Science- Olympism*, 1998, pp. 151–153.

6. Kasyanik E. L., Makeev E. S. *Psichologicheskaia diagnostika samosoznaniya lichnosti* [Psychological diagnostics self-consciousness]. Mozyr, Promotion Publ., 2007, 200 p.
7. Stambulova N. B. *Psichologiya sportivnoi kar'ery* [Psychology sports career]. SPb., St. Petersburg Publ., 2011, 180 p.
8. Shishkovskaya A. V. Osobennosti fizicheskogo la sportsmenov raznoy sportivniy spezializatsii [Features of physical I sportsmen of different sports specialization]. *Rossiyskiy Psichologicheskiy Zhurnal – Russian psychological journal*, 2011, Vol. 8, no. 2, pp. 82–88.
9. Shishkovskaya A. V. Soderzhanie la-fizicheskogo I osobennosti samoreguliatzii sportsmenov raznoy fizicheskoy spezializatsii [Contents I-physical features of self and athletes of different physical specialization]. *Severo-Kavkazskiy psichologicheskiy Vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*. 2011, no. 9 / 1, p. 60–62.
10. Applied Sport Psychology. Personal Growth to Peak Performance / J.M.Williams (Ed.). 2d ed. London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1993. -383 p.
11. Stambulova N. B. Dynamics of the athlete-coach relations in the course of the athlete's sports career // *Portuguese Journal of Human Performance Studies*. 1999, Vol. 12, no. 1, pp. 21–34.
12. Ungerleider S. Mental training for peak performance. Emmaus, Pennsylvania: Rodale Press, Inc., 1996, 196 p.

Pronenko E. A.
Psychological features of initiation sense
at the initial stage team building

The paper analyzes aspects of the initial stage of formation of the team. The role of self-organization of joint activities to improve mental process initiation sense. A technique for team building, understood as the combined psychological system. The object of investigation was made by the development team as a self-organizing collaborative mental activity. Research participants were 40 young people from 19 to 22 years, students of the Southern Federal University. The test results were team members and formed two groups: a control group (7 people) and experimental (7 people). On the basis of the formative experiment shows the importance of maintaining the self-organization of the team for the success of the process initiation sense participants. Concluded that improving the conditions for approval of meanings team members

the importance of considering the system as a team and the importance of self-organization in order to achieve semantic consonance.

Keywords: team, team building, collaboration, self-organization, initiation sense.

REFERENCES

1. Belousova A. K., Pishchik V. I. *Stil' myshlenija: Uchebnoe posobie* [Way of thinking: Study guide]. Rostov-on-Don, 2010. 152 p.
2. Belousova A. K. *Samoorganizacija sovmestnoj myslitel'noj dejatel'nosti* [Self-organization of joint intellectual activity]. Rostov-on-Don, 2002. 360 p.
3. Klochko V. E. *Samoorganizacija v psihologicheskikh sistemah: problemy stanovlenija mental'nogo prostanstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyj analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of formation of the mental space of personality (an introduction to transspektivny analysis)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2005. 174 p.
4. Filindash P.V. *Social'no-psihologicheskie determinanty komandoobrazovanija. Diss. kand. psih. nauk* [Socio-psychological determinants of teambuilding. psychology. Cand. psy. sci. diss.]. Moscow, AVK-groups Publ., 2009. 197 p.
5. Zhukov Ju. M., Pavlova E. N., Zhuravlev A. V. *Tehnologii komandoobrazovanija: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov* [Teambuilding technology: Study guide for students]. Moscow, Aspect-Press Publ., 320 p.
6. Krichevskij R. L., Dubovskaja E. M. *Social'naja psihologija maloj grupy: Uchebnoe posobie dlja vuzov* [Social psychology of small groups: Study Guide]. Moscow, Aspect-Press Publ., 318 p.

Yushko M. A.

Formation of anti-extremist attitudes among young people with the help of the information content of modern media

The article examines the impact which render the information-content in modern media on today's youth. We investigate the impact of modern media on the formation of anti-extremist installations in young people. Author developed a questionnaire to obtain the necessary data for the study. As the object of the investigation were used third-year students of internal branch SFU, a total of 114 people. Respondents were recruited from both the Faculty of Science (58 people), and with the humanities departments (56 people).

Analysis of the questionnaire data showed that information about the processes taking place in society, the modern youth often received from electronic media (television, «Internet»). The level of trust for the print media (newspapers, magazines, etc.) by 2 times lower than for electronic. It is concluded that the antiterrorist

value-semantic installation in the youth environment can be formed by using materials informational content of antiterrorist-oriented websites.

Keywords: media content, youth environment, value-semantic installation, extremism, antiterrorist-oriented installations.

REFERENCES

1. Abakumova I. V. *Obuchenie i smysl: smysloobrazovanie v uchebno-m processe* [Teaching and sense: sense-creation in education process]. Rostov-on-Don, RSU Publ., 2003. 44 p.
2. Abakumova I. V., Azarko E. M., Efimenko V. N. *Stanovlenie i razvitie poniatija "lichnostnyi smysl" kak kategorii otechestvennoi psihologii* [The formation and development of the "personal meaning" concept as a category of the national psychology]. Rostov-on-Don, RSU Publ., 2002. 440 p.
3. Asmolov A. G. *Psichologija lichnosti* [Personality Psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 367 p.
4. Volkov S. I. *Osobennosti lichnostnogo vospriiatija saitov antiterroristicheskoi napravlenosti. Diss. kand. psihol. nauk* [Features of personal perception of the antiterrorist sites. PhD psychol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2012.
5. Kozhushko E. *Sovremennyi terrorism. Analiz osnovnykh napravlenii* [Modern terrorism. Analysis of the major trends]. Minsk, Harwest Publ., 2010. 447 p.
6. Nesterenko I. E. *Psichologo-didacticheskie osobennosti formirovaniia smislovyh ustanovok starsheklasnikov v uchebno-m processe. Diss. kand. psihol. nauk* [Psychodidactic features of the formation of semantic units of senior pupils in the educational process sites. PhD psychol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009.
7. Torshinin M. E. *Social'no-psihologicheskaia ustanovka lichnosti* [Socio-psychological attitude of the individual]. Ivanovo, MIBIF Publ., 2010. 15 p.
8. Uznadze D. N. *Psichologicheskie isledovania* [Psychological research]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 416 p.
9. Martin W. J. *The Information Society*. London Aslib, 1988. 194 p.
10. Turkle Sh. *Parallel lives: working on identity in virtual space Constructing the self in a mediated world: inquiries in social construction*. N.Y., 1996. pp. 156–175.

Afanasenko I. V.

Features of structure of individual religiousness and connected with it personal properties of students of a different sex

The article includes results of research of sexual distinctions in features of structure of individual religiousness and the personal lines connected with it at students. Similarities

in the maintenance of dominating indicators of religiousness are found in young men and girls, and distinction in the form of the expressed belief in magic at girls. Sexual distinctions are shown in interrelations of indicators of religiousness with personal properties of students.

Keywords: *religiousness, religiousness structure, control locus internal and external (internality-eksternality), personal properties.*

REFERENCES

1. Aguzumcjan R. V., Hachatrjan N. G. Izuchenie fenomena duhovnosti v kontekste religioznogo znanija i psihologicheskoy nauki [Studying of a phenomenon of spirituality in a context of religious knowledge and psychological science] // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National psychological journal*, 2012, no. 1 (7), pp. 74–80.
2. Art'em'eva O. A. Social'naja biografija russkoj duhovnoj psihologii (istoriko-psihologicheskij analiz) [Social biography of the Russian spiritual psychology (the historical and psychological analysis)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 4: Pedagogika. Psihologija – Messenger of Orthodox Sacred-Tychonoff humanities university. Series 4: Pedagogics. Psychology*, 2011, Is. 1 (20), pp. 153–169.
3. Afanasenko I. V., Spivak D. L. Kross-religioznoe issledovanie strukturyi lichnosti: predvaritelnyie rezultaty [Cross-religious study of the personality structure: preliminary results]. *IV Rossiyskiy kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnyim uchastiem «Lichnost v prostranstve kul'turyi», Sankt-Peterburg, 29–31 oktyabrya 2013 goda. Tezisy i vystupleniya uchastnikov* [IV Russian Congress with international participation «Identity in the space of culture», Saint Petersburg, 29–31 October 2013. The theses and speeches of the participants]. SPb., Eydos Publ., 2013. Available at: http://culturalnet.ru/main/congress_person/1567
4. Afanasenko I. V., Spivak D. L. Religiozno-psihologicheskie ustanovki molodezhi: genderniy aspekt (na primere musulman) [Religiously-psychological options of young people: gender aspect (on the example of moslems)]. *Vtoraya nauchnaya konferentsiya Psihotekhniki i izmenennyye sostoyaniya soznaniya 12–14 dekabrya 2013 g., Sankt-Peterburg, RHGA* [The second scientific conference Psychotechnics and altered States of consciousness 12–14 December 2013, St. Petersburg]. Available at: <http://www.altstates.net/>
5. Afanasenko I. V., Shmyiglenko A. A. K issledovaniyu strukturyi individualnoy religioznosti: rezultaty pilotazhnogo issledovaniya [To study the structure of individual religiousness: results of a pilot research]. *XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya dlya studentov, aspirantov i molodyih uchenyih «Psihologiya i pedagogika: sovremennyye vyzovy i resheniya», 30.11.2013g., Moskva, Moskovskiy nauchnyy tsentr psihologii i pedagogiki* [XVI international scientific and practical conference for students, postgraduates and young scientists «Psychology and pedagogy: current challenges and solutions», 30 November 2013, Moscow]. Available at: <http://www.mcpps.ru/arhiv>
6. Gruzdev N. V., Spivak D. L. Religiozno-psihologicheskie orientatsii sovremennyih rossiyan i amerikantsev: novyye dannyye [Religious-psychological orientation of modern Russians and Americans: new data]. *Tochki / Puncta*, 2004, Vol. 4, no. 3–4, pp. 274–284.
7. Karaseva S. G., Shkurova E. V. Mnogomernyy krosskonfessionalnyy podhod k issledovaniyu religioznosti v Belarusi: aktualnost i kontseptualizatsiya [Multidimensional crossconditionality approach to the study of religiosity in Belarus: the relevance and conceptualization]. *Sotsiologiya – Sociology*, 2012, no. 3, pp. 123–133.
8. Mjagkov I. F., Shherbatyh Ju. V., Kravcova M. S. Psihologicheskij analiz urovnja individual'noj religioznosti [Psychological analysis of level of individual religiousness]. *Psihologicheskij zhurnal – Psychological journal*, 1996, Vol. 17, no. 6, pp. 120–122.
9. *Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija: problemy teorii i istorii* [Psychological science in Russia the XX century: problems of the theory and history]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 1997, 576 p.
10. Spivak D. L., Zaharchuk A. G., Pavlov A. E. Religiozno-psihologicheskie aspekty starenija: novyye dannyye [Religious and psychological aspects of aging: new data]. *Religiovedenie – Religious studies*, 2007, no. 4, pp. 104–110.
11. Spivak D., Gruzdev N. Core religious experiences in cross-religious research // *Pluralisme et reconnaissance: Defis des particularismes et des minorites*. Paris: IIIT France, 2008. pp. 373–387.

Panina E. A. **Operational component** **of waiter's competitive strategy**

In article results of research an operational component of waiter's competitive strategy are stated. As object of the research acted 120 waiters of Rostov-on-Don. Empirically allocated types of waiter's competitive strategy – adaptive and consumer, "a professional and career plateau", innovative and situational – and the leading purposes of waiter's competition are presented. The maintenance of an operational component each of types of waiter's competitive strategy is considered taking into account nature of

their actions in relation to the competitor in conflict, typical situations and in the situations connected with features of emotional states. The maintenance of an operational component each of types of waiter's competitive strategy is submitted depending on their sexual differentiation.

Keywords: operational component, competitive strategy, waiters, ideas of competitors.

REFERENCES

1. Gevorkyan G. G. Psychologicheskie determinanty professional'noi uspešnosti oficiantov [Psychological determinants of waiter's professional success as subjects of a services sector]. *Izvestiya TRTU – TRTU News. Pedagogics and Psychology series*, 2006, no. 14, pp. 184–189.
2. Dzhanyan S. T., Panina E. A. Motivacionno-cennostnye osnovaniya tipov konkurentnih strategii [Valuable and motivational bases of types of competitive strategy of waiters]. *Izvestiya vuzov: severo-kavkazskij region – News of higher education institutions: North Caucasus region. Series: social sciences*, 2013, no. 5, pp. 97–103.
3. Dzhanyan S. T., Panina E. A. Kognitivnyi component konkurentnih strategii oficiantov [Cognitive component of competitive strategy of waiters]. *Rossiiskij psihologicheskij žurnal – Russian psychological journal*, 2014, Vol. 11, no. 1, pp. 16–23.
4. Mitina L. M. *Psihologija razvitiya konkurentosposobnoj lichnosti* [Psychology of development of the competitive personality]. Moscow, Voronezh: MODEK Publ., 2002.
5. Panina E. A. Motivacionno-rezultirushchii component konkurentnoi strategii oficiantov [Motivational and resultant component of competitive strategy of waiters]. *Severo-kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasian psychological messenger*, 2013, no. 11 / 3, pp. 13–16.
6. Polunina O. V. Uvlechenost' rabotoi i professional'noe viganie: osobennosti vzaimosvyazei [Enthusiasm of work and professional burning out: features of interrelations]. *Psihologicheskij žurnal – Psychological magazine*, 2009, Vol. 30, no. 1, pp. 78–85.
7. Porter M. *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei konkurentov* [Competitive strategy: Technique of the analysis of competitor's branches]. Moscow, 2011.
8. Eljarova T. S. *Soderžanie i organizaciya podgotovki specialistov dlya predpriyatii sferi gostepriimstva* [The contents and the organization of vocational training of experts for the enterprises of the sphere of hospitality]: Avtoref. can. edging. ped. sciences. – Moscow, 2001.
9. Israeli A. A., Barclan R. Developing a framework for rewards in combined productions / service businesses: the case in tipping in restaurant in-

dustry // *International Journal of Service Industry Management*. 2004, Vol. 15, no. 5, p. 444.

10. Elaine J. Hall Waitering / waitressing: Engendering the Work of Table Servers // *Gender & Society*. Sep 1, 1993, Vol. 7(3), p. 329.
11. Mary B. Harris Waiters, customers and service: some tips about tipping // *Journal of applied Social Psychology*. 1995, Vol. 25, no. 8, pp. 725–744.

Rashchupkina Y. V.

The psychological bases of structure of a personal maturity

In article aspects of a maturity – akmeologicheskyy aspect, procedural and stadial aspect, resource and situational aspect, specific aspect, personal and tool aspect, methodical aspect are allocated and described. On the basis of data developed in each of aspects of ideas of a personal maturity its structure is built. Components of structure of a personal maturity, such as emotional and strong-willed, valuable and motivational, reflexive and operational are designated. Conditions of updating of a personal maturity are generalized. The vital choice as one of conditions of manifestation of a personal maturity is considered. Characteristics and signs of vital elections of the personality are designated. Criteria of a personal maturity are generalized.

On the basis of the carried-out theoretical analysis need of consideration of a phenomenon of a personal maturity is shown, are designated the contents and structures of a personal maturity. The conclusion is drawn on the psychological bases of structure of a personal maturity.

Keywords: psychological bases, structure, maturity, personal maturity, social maturity, psychological aspects, vital choice.

REFERENCES

1. Ananyev B. G. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Chosen psychological works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1980.
2. Bodalev A. A. *Vershiny v razvitiy vzroslogo cheloveka* [Tops in development of the adult]. SPбю, Piter Publ., 2007.
3. Granenkova E. S. Psikhologicheskaya zrelost kak component gotovnosti molodezhi k semeinoi zhizni [Psychological maturity as a component of readiness of youth to family life]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – The Yaroslavl pedagogical messenger*, 2012, Vol. 2, no. 4.
4. Dzhanyan S. T. Struktura tipov professionalnykh Ya-kontseptsii [Structure of types of professional I-concepts]. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal – Russian psychological journal*, 2005, Vol. 2, no. 3, pp. 78–92.
5. Kalinina R. R. Problema lichnostnoi zrelosti v pedagogicheskoi deyatelnosti [Problem of a personal

- maturity in pedagogical activity]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta – the Messenger of the Pskov state university*, 2010, no. 11, pp. 70–78.
6. Olport G. *Stanovleniye lichnosti: Izbrannye trudy* [Formation of the personality: The chosen works]. Moscow, 2002.
 7. Rashchupkina Yu. V. *Zrelaya lichnost: psikhologicheskiye podkhody k issledovaniyu* [Mature personality: psychological approaches to research]. *Severo-Kavkazskii Psikhologicheskii Vestnik – the North Caucasian Psychological Messenger*, 2013, no. 11 / 3, pp. 24–27.
 8. Savva L. I., Soldatchenko A. L., Plotnikova Ye. B., Rabina Ye. I., Ryazanova L. S. *Sotsializatsiya studentov v professionalnom obrazovanii. Monografiya* [Socialization of students in professional education. Monograph]. – Moscow, Akademiya Yestestvoznaniya Publ., 2012.
 9. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. SPb., Lenato Publ., 2006.
 10. Yakobson P. M. *Psikhologicheskiye komponenty i kriterii stanovleniya zreloi lichnosti* [Psychological components and criteria of formation of the mature personality]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological magazine*, 1981, no. 4. pp. 141–149.
 11. Oyserman D. *Self-Concept and Identity // The Blackwell Handbook of Social Psychology. Intraindividual Processes / ed. By A. Tesser and N. Schwarz. L.: Blackwell Publishings, 2003. pp. 499–517.*
 12. Steinberg L. E. *Maturity of judgment in adolescence: Psychosocial factors in adolescent decision making // Law and Human Behavior. June 1996, no. 3, pp. 249–272.*
- tions at high frequency bands in not artists at the stage of problem solving and short connections in artists.
- Keywords:** *imaginative activity, EEG, monotype, coherence, functional connections.*

REFERENCES

13. Bechtereva N. P., Nagornova Zh. V. *Dinamika kogerentnosti EEG pri vypolnenii zadaniy na neverbal'nyuyu (obraznuyu) kreativnost'* [The dynamic of coherence during tests for nonverbal (Figurative) creativity]. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2007, V. 33, no. 5, pp. 5–13.
14. Vol'f N. V., Tarasova I. V., Razumnikova O. M. *Polovyye razlichiya v izmeneniyakh kogerentnosti biopotentsialov kory mozga pri obraznom tvorcheskom myshlenii: svyaz' s effektivnost'yu deyatelnosti* [Sex differences in changes of EEG coherence of frequency range in creative nonverbal thought: communication with the effectiveness of activity]. *Zurnal vishej nervnoj deyatelnosti – Journal of higher nervous activity*, 2009, V. 59, no. 4., pp. 429–436.
15. Dikaya L. A. *Neyrofiziologicheskiye korrelyaty tvorcheskoy deyatelnosti pri sochinenii muzyki u podrostkov* [Neurophysiological correlates of creative activity during music composing in adolescents]. *Novie issledovaniya – New studies*, 2010, no. 1 (22), pp. 19–26.
16. Dikaya L. A., Popova L. V. *Den' vlyublennykh v psikhologiyu (o rabote V s'yezda RPO)* [Valentine's Day in psychology (of the V Congress of RPO)]. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal – Russian psychological journal*, 2012, V. 9, no. 1, pp. 12–16.
17. Dikaya L. A., Shivareva S. Y. *Mozgovaya organizatsiya funktsional'nykh svyazey u lits, zanimayushchikhsya nauchnoy i literaturnoy professional'noy deyatelnost'yu, pri reshenii verbal'nykh tvorcheskikh zadach* [Brain organization of functional connections in people, which are busy with science and literature professional activity, when they solve verbal creative tasks]. *Severo-Kavkazskii Psikhologicheskii Vestnik – North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2011, no. 9 / 1, pp. 18–21.
18. Karpova V. V., Dikaya L. A. *Dinamika funktsional'noy organizatsii kory mozga v protsesse tvorcheskoy deyatelnosti u uchashchikhsya s khudozhestvennoy odaronnost'yu* [The dynamic of functional brain cortex organization during creative activity in students with art giftedness]. *Proceedings XVI International Conference on Neurocybernetics, V. 1, Rostov-on-Don: SFU, 2012, pp. 370–372.*
19. Razumnikova O. M., Vol'f N. V., Tarasova I. V. *Vliyaniye motivatsii na izmeneniya moshchnosti biopotentsialov kory golovnogo mozga pri vypolnenii obraznykh i verbal'nykh tvorcheskikh zadaniy* [The strategy and the result: sex differences in EEG coherence of

Karpova V. V., Dikaya L. A.
Peculiarities of functional connections of brain cortex in subjects with different level of productivity of the imaginative creative activity

The article highlights the conditions for effective study of brain correlates of imaginative creative activity. The procedure for empirical studies of functional connections of brain cortex in artists and not artists with different levels of productivity of imaginative creative activity are described. 60 students aged 18–23 took part in study. For modeling of creative activity the technique of monotype was used. Peculiarities of brain cortex's functional connections during the imaginative creative activity were investigated using the EEG method.

On the basis of the comparative analysis it was shown that the creative task performance by subjects with different levels of productivity is accompanied by the significant changes of coherence in all frequency bands. It is concluded the domination of long intrahemispheric coherent connec-

- verbal and imaginative creativity]. *Zurnal vishej nervnoj deyatel'nosti – Human physiology*, 2009, V. 35, no. 3, pp. 31–41.
20. Sviderskaya N. E., Antonov A. G., Butneva L. S. Sravnitel'nyy analiz prostranstvennoy organizatsii EEG na modelyakh divergentnogo i konvergentnogo neverbal'nogo tvorchestva [Comparative analysis of the spatial organization of EEG patterns of divergent and convergent nonverbal creativity]. *Zurnal vishej nervnoj deyatel'nosti – Journal of higher nervous activity*, 2007, V. 57, no. 2, pp. 144–154.
 21. Sviderskaya N. E., Taratynova G. V., Kozhedub R. G. EEG-korrelyaty izmeneniya strategii pererabotki informatsii pri zritel'nom voobrazhenii [EEG – correlates of changes strategy of processing of the information at visual imagination]. *Zurnal vishej nervnoj deyatel'nosti – Journal of higher nervous activity*, 2005, V. 55, no. 5, pp. 624–632.
 22. Dikaya L. A., Dikiy I. S. Brain correlates of composing major and minor music. *International Journal of Psychology*. 2012. V. 47, Supp.1. Special Issue: XXX International Congress of Psychology. – pp. 113.
 23. Dikaya L. A., Ermakov P. N., Dikiy I. S. EEG correlates of professional creative problem solving with insight. *International journal of psychophysiology*. 2012. V. 85, Is. 3, pp. 379. doi:10.1016/j.ijpsycho.2012.07.043.
 4. Leont'ev D. A. Test smislozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Test orientation of the meaning of life]. Moscow, Smysl Publ., 2000, 18 p.
 5. Merkurieva Ju. V. Shkolnoe obrazovanie v kontexe krizisa tekhnogennoj civilizatsii [School education in the context of the crisis of technological civilization] *Zurnal sociologii i socialnoj antropologii – The Journal of Sociology and social anthropology*, 1998, Vol. 1, Is. 4.
 6. Pravnik D. U. *Gendernaia specifika obraza mira*. Diss. dokt. psichol. nauk [Gender specific way of the world. Dr. psycho. sci. diss.]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2007. 268 p.
 7. Subbot'skiy E. V. *Stroiasheesia soznanie* [Consciousness under construction]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 423 p.
 8. Test «Kto ia?» [Test «Who ia am?»] (M.Kun, T. Mak-Portland; modification by T. V. Rumianceva). Rumianceva T.V. Psychological consultation: diagnostics of the relations in couple. SPb., 2006, pp. 82–103.
 9. Yashenko E. F., Yashenko E. V. Osobennosti smyslozhiznennykh orientatsii studentov s raznim urovnem samoaktualizatsii na zavershaushem etape obucheniya v vuze [Features of the sense of lifes orientations of students with different level of self-updating at the training final stage in higher education institution]. *Vestnik JuUrGU – Messenger SSU*, 2012, no. 31, pp. 25–34.

Gracheva N. M.

Detection of features of sense of lifes orientations and ideas of about itself and the world at seniors

In article results of empirical research of sense of lifes orientations and ideas of and the world among teenagers of graduation classes are given. On the basis of the obtained data division of respondents into three groups is made, their short characteristics with the description of possible further prospects of development are given.

Keywords: world picture, sense of lifes orientations, seniors, representations, semantic sphere, intelligence, purposes and tasks, identification.

REFERENCES

1. Gobova E., Ignatova O. Psychological portrait of generation. Available at: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200700612>
2. Kazachkova V. G. Metod nezakonchennykh predlogenyi pri izuchenii otnoshinyi lichnosti [Method of incomplete offers when studying the relations of the personality] *Voprosy psikhologii – Approaches to Psychology*, 1989, no. 3, pp. 154–157.
3. Leont'ev A. A. *Osnovi psicholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., Akademia Publ., 2008. 288 p.

Seredina N. V., Lazareva O. V.

Features of the process of adaptation of students of the first course to study at the University

The article is devoted to the study of the adaptation of a first-year student learning in higher education as a factor of socialization of the young man. In turn, socialization is seen as a process of formation of the system of attitudes and values that are the basis of developing strategies of behavior. In the process of education, is a first-year student is included in the processes of integration in the social group, which involves acceptance of group norms, values, standards, stereotypes and requirements. So a person adjusts to the changes of the social environment by selection or adjustment of strategies. The existence of a certain level of adaptation is a necessary measure the effectiveness of the implementation of the student during the learning process. Given that the starting mechanism of the process of adaptation is to change the environment in which the usual behavior is ineffective or even ineffective, for a first-year student of the need to overcome the difficulties associated with novelty conditions difficult life situations.

So, the person, its life situation and (most importantly) the interaction between the individual and the situation –

define the peculiarities of adaptation of students of the first course to study at the University. That is why, in the conditions of a University must be carried out practical social work (social therapy) within the Service of socio-psychological adaptation, which deals with the social and psychological aspect of the situation. Work with first-year students may be directed to the transformation of the inner world of the personality, and the change of its social situation training, as well as on the conversion of interaction between them.

Keywords: personality, adaptation, disadaptation, adaptability, noadaptive adaptation in difficult life situation.

REFERENCES

1. Anfinogenova O. I. Osobennosti adaptatsii studentov-pervokursnikov k usloviyam obucheniya v universitete [Features adaptation of first-year students to the conditions of study at the university]. *Novie issledovaniya – New research*, 2011, Vol. 1, no. 26, pp. 55–59.
2. Bernler G., Junsson L. *Teoriya socialno-psikhologicheskoy raboty* [The theory of social and psychological work]. Moscow, 1992.
3. Gingel E. Dialog kak faktor adaptatsii pervokursnikov [Dialogue as a factor in adaptation of first]. *Visshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2007, no. 9, pp. 158–160.
4. Zaripov R. N., Zaripova I. R. Adaptatsiya studentov v tekhnologicheskom vuze: psikhologo-pedagogicheskij aspekt [Adaptation of students in technological university: psycho-pedagogical aspect]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta – Herald Kazan Technological University*, 2011, no. 24, pp. 236–242.
5. Kolesov D. V. *Adaptatsiya organizma podrostkov k uchebnym nagruzkam* [Organism adapts to training loads teens]. Moscow, 1987. 176 p.
6. Litvinova N. A., Kazin E. M., Lurye S. B., Bulatova O. V. Rol individualnikh psikhofiziologicheskikh osobennostej v adaptatsii k umstvennoj deyatel'nosti [The role of individual psychophysiological characteristics to adapt to the mental activity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*, 2011, no. 1, pp. 141–147.
7. Medvedev V. I. *O probleme adaptatsii. Komponenty adaptatsionnogo processa* [On the problem of adapting. Components of the adaptation process]. L., 1984, pp. 3–16.
8. Melnikova N. N. *Diagnostika socialno-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti. Uchebnoe posobie* [Diagnosis of social and psychological adjustment of the individual. Tutorial]. Chelyabinsk, JuUrGU Publ., 2004, 57 p.
9. Tolstikh Ju. I. Kriterii ocenki uspeshnosti adaptatsii studentov-pervokursnikov v vuze [Criteria for evaluating the success of adaptation freshmen in high school]. *Izvestiya VUZ. Povolzskij region. Gumanitarnie nauki – Proceedings of the university. Volga region. Humanities*, 2011, no. 4 (20), pp. 137–142.
10. Chikina T. Uchebno-professionalnaya adaptatsiya pervokursnikov [Educational and professional adaptation of freshmen]. *Visshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2007, no. 12, pp. 137–140.
11. Shpranger E. *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Psychology of personality. Lyrics]. Moscow, 1982.
12. Hall C. S., Lindsey G. *Theories of Personality*. New York: John Wiley and Sons, 1970.

Дудникова Анна Андреевна

учитель биологии МБОУ Лицей № 3
Служебный адрес: ул. Матросова, д. 2а,
г. Батайск, Ростовская обл., 346882
Тел.: +7 (86354) 7 01 74;
e-mail: zabyrdenko.anna@yandex.ru

Воронцов Дмитрий Владимирович

доцент кафедры социальной психологи факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dmvorontsov@sfedu.ru

Коломийченко Елена Валерьевна

преподаватель Академии физической культуры и спорта кафедры физкультурно-оздоровительных технологий ЮФУ
Служебный адрес: ул. Зорге, д. 8б,
г. Ростов-на-Дону, 344000
Тел.: +7 (863) 297 51 57; *e-mail:* elena5851@gmail.com

Проненко Евгений Александрович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 07; *e-mail:* heimag@yandex.ru

Юшко Максим Андреевич

аспирант кафедры педагогики и педагогической психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 27; *e-mail:* maksimyshko@mail.ru

Афанасенко Инна Владимировна

доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* afinna@mail.ru

Панина Екатерина Александровна

соискатель кафедры психологии личности факультета психологии Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* just_4_me@mail.ru

Dudnikova Anna Andreevna

biology teacher of the municipal educational institution Lyceum no. 3
Office address: b. 2a, Matrosova Str., Bataisk, Rostov region, 346882
Tel.: +7 (86354) 7 01 74;
e-mail: zabyrdenko.anna@yandex.ru

Vorontsov Dmitry Vladimirovich

associate Professor of Social Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)
Office address: of. 234, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dmvorontsov@sfedu.ru

Kolomiychenko Elena Valerievna

lecturer of the Academy of Physical Culture and Sports department of health and fitness technologies of Southern Federal University (SFedU)
Office address: b. 8b, Zorge Str., Rostov-on-Don, 344000
Tel.: +7 (863) 297 51 57; *e-mail:* elena5851@gmail.com

Pronenko Evgeny Alexandrovich

post-graduate Department of General psychology and developmental psychology of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)
Office address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 07; *e-mail:* heimag@yandex.ru

Yushko Maksim Andreevich

post-graduate Department of pedagogy and educational psychology of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 27; *e-mail:* maksimyshko@mail.ru

Afanasenko Inna Vladimirovna

assistant Professor of Personality Psychology Department of Psychology Faculty of SFedU, Candidate of Science in Psychology
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* afinna@mail.ru

Panina Ekaterina Aleksandrovna

post-graduate student of Personality Psychology Department of Psychology Faculty of SFedU
Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* just_4_me@mail.ru

Ращупкина Юлия Валерьевна

аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* yulk-r@yandex.ru

Карпова Виктория Викторовна

соискатель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* 5603691@mail.ru

Дикая Людмила Александровна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dikaya@sfedu.ru

Грачева Надежда Михайловна

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 217, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 07; *e-mail:* list-n@list.ru

Середина Наталья Васильевна

старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* senata46@mail.ru

Лазарева Оксана Владимировна

методист Центра развития детских и молодежных инициатив, кандидат философских наук
Служебный адрес: ул. Б. Садовая, д. 55, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344000
Тел.: +7 (863) 240 13 92; *e-mail:* uspeh-project@yandex.ru

Rashchupkina Yuliya Valer'evna

post-graduate student of Personality Psychology Department of Psychology Faculty of SFedU
Official address: of. 239, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 47; *e-mail:* yulk-r@yandex.ru

Karpova Viktoriya Viktorovna

post-graduate student of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)
Office address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* 5603691@mail.ru

Dikaya Liudmila Alexandrovna

associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology
Office address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* dikaya@sfedu.ru

Gracheva Nadezhda Mikhailovna

post-graduate Department of General psychology and developmental psychology of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU)
Office address: of. 217, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 07; *e-mail:* list-n@list.ru

Seredina Natalya Vasilyevna

senior Lecturer of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Psychology Faculty of Southern Federal University (SFedU), Candidate of Science in Psychology
Office address: of. 236, b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: +7 (863) 230 32 37; *e-mail:* senata46@mail.ru

Lazareva Oksana Vladimirovna

methodist Center for the Development of Children and Youth Initiatives, Candidate of Science in Philosophy
Office address: b. 55, B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344000
Tel.: +7 (863) 240 13 92; *e-mail:* uspeh-project@yandex.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитур шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 518, редакция
Тел. (863) 243-15-17; e-mail: rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной